



Альбер Камю

Albert Camus

Записные книжки

Библиотека классики (АСТ)

Альбер Камю
Записные книжки

«Издательство АСТ»

1935–1959

УДК 821.133.1-3
ББК 84(4Фра)-44

Камю А.

Записные книжки / А. Камю — «Издательство АСТ», 1935–1959 — (Библиотека классики (АСТ))

ISBN 978-5-17-154283-2

Записные книжки Камю с 1935 по 1959 год – своеобразная хроника жизни писателя. Главные действующие лица в них – мысли Камю: обнаженные, искренние и тревожные. Что думал абсурдист, экзистенциалист и нобелевский лауреат о себе и мире, о политике, литературе и искусстве?

У читателя есть уникальная возможность узнать это из первых рук, проследить, как спонтанность изложения, характерная для раннего периода творчества Камю, уступает место отточенности и силе мысли. Здесь собраны уникальные заметки, наброски будущих произведений Камю, начиная с того времени, когда он еще не был известен в Европе, до тех пор, пока не погиб в автокатастрофе в 1960 году на самом пике своего успеха. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 821.133.1-3

ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-17-154283-2

© Камю А., 1935–1959

© Издательство АСТ, 1935–1959

Содержание

Записные книжки. Май 1935 – февраль 1942	6
Тетрадь № I. Май 1935 года – сентябрь 1937 года	6
Тетрадь № II. Сентябрь 1937 года – апрель 1939 года	36
Тетрадь № III. Апрель 1939 года – февраль 1942 года	68
Конец ознакомительного фрагмента.	113

Альбер Камю

Записные книжки

Albert Camus
Carnets I, II, III

- © Editions Gallimard, Paris, 1962, 1964, 1989
- © Перевод. Е. Гальцова, 2017
- © Перевод. О. Гринберг, наследники, 2019, 2023
- © Перевод. В. Мильчина, 2023
- © Издание на русском языке AST Publishers, 2023

* * *

Записные книжки. Май 1935 – февраль 1942

Тетрадь № I. Май 1935 года – сентябрь 1937 года

Май 1935 г.

Вот что я хочу сказать:

Что можно чувствовать – не будучи романтиком – тоску по утраченной бедности. Годы, прожитые в нищете, определяют строй чувств. В данном случае строй чувств исчерпывается странным отношением сына к матери. Самые разные проявления этих чувств вполне объясняются подспудной, вещественной памятью детства (неотъемлемой частью нашего я).

Отсюда – для того, кто это замечает, – узнавание и, следовательно, угрызения совести. Отсюда же, по аналогии, чувство утраченного богатства, если человек попадает в другую среду. Для людей богатых райское блаженство, дарованное в придачу к земным благам, – вещь сама собой разумеющаяся. Для людей бедных небеса обретают свое истинное значение величайшей милости.

Угрызения совести вынуждают к признанию. Произведение есть признание; я обязан дать показания. По правде говоря, сказать я хочу одну-единственную вещь. Именно в этой нищенской жизни, среди этих людей, смиренных либо тщеславных, мне удалось глубже всего постичь то, что кажется мне истинным смыслом жизни. Произведений искусства для этого недостаточно. Искусство для меня не все. Пусть оно будет хотя бы средством.

Не надо забывать и о ложном стыде, малодушии, безотчетном уважении к другому миру (миру денег). Я думаю, мир бедняков – редкий, если не единственный мир, замкнутый в себе, отъединенный от остального общества, как остров. Здесь хорошо играть в Робинзонов. Тот, кто окунается в эту жизнь, начинает говорить о квартире врача, находящейся в двух шагах, «там, у них».

Все это должно быть выражено в рассказе о матери и сыне.

Это в общих чертах.

Уточнения связаны со сложностями:

- 1) Окружение. Квартал и его жители.
- 2) Мать и ее поступки.
- 3) Отношение сына к матери.

Какой выход. Мать? Последняя глава: символическое значение, переданное тоской сына???

* * *

Гренье: мы вечно себя недооцениваем. Но приходят бедность, болезнь, одиночество: мы осознаем свое бессмертие. «Когда нас припрут к стенке».

Так оно и есть, ни больше ни меньше.

* * *

Бессмысленное слово «опытность». Опытность не зависит от опыта. Ее не приобретают. Она приходит сама. Не столько опытность, сколько терпение. Мы терпим – вернее, претерпеваем.

Всякая практика: опыт делает человека не мудрым, а сведущим. Но в чем?

* * *

Две подруги: обе очень больны. Но у одной нервы: выздоровление все же возможно. У другой – поздняя стадия туберкулеза. Никакой надежды.

Как-то днем. Больная туберкулезом у постели подруги.

Та говорит:

– Знаешь, до сих пор даже во время самых страшных приступов у меня не было чувства, что все потеряно. Еще теплилась надежда на спасение. Сегодня мне кажется, что надеяться больше не на что. Я так обессилела, что, наверно, уже не оправлюсь.

В глазах обреченной мелькает дикая радость; она берет подругу за руку: «О! Мы отправимся в дальний путь вместе!»

Те же – умирающая от туберкулеза и ее выздоравливающая подруга. Она вернулась из Франции, где прошла курс лечения по новому методу.

И обреченная упрекает ее в этом. Вслух она корит подругу за то, что та ее бросила. На самом же деле умирающая страдает оттого, что видит подругу здоровой. В душе ее теплилась безумная надежда, что она умрет не одна – что удастся увлечь с собой самую близкую подругу. А придется умереть в одиночестве. Поэтому в ее сердце закрадывается черная ненависть к подруге.

* * *

Грозовое небо в августе. Знойные ветры. Черные тучи. А на востоке голубая полоска, тонкая, прозрачная. На нее больно смотреть. Ее появление – пытка для глаз и души. Ибо зрелище красоты нестерпимо. Красота приводит нас в отчаяние, она – вечность, длящаяся мгновение, а мы хотели бы продлить ее навсегда.

* * *

Искренность дается ему без труда. Большая редкость.

* * *

Важна также тема комедии. От самых страшных мук нас спасает чувство, что мы одиноки и всеми покинуты, однако не настолько одиноки, чтобы «другие» не уважали нас в нашем несчастье. Именно в этом смысле мы испытываем порой счастливые мгновения, когда в безысходной печали чувство заброшенности переполняет и возвышает нас. В этом же смысле счастье часто есть не что иное, как чувство сострадания к собственному несчастью.

Поразительно у бедняков: Господь поместил рядом с отчаянием самолюбование, словно лекарство рядом с болезнью.

* * *

В молодости я требовал от людей больше, чем они могли дать: постоянства в дружбе, верности в чувствах.

Теперь я научился требовать от них меньше, чем они могут дать: быть рядом и молчать. И на их чувства, на их дружбу, на их благородные поступки я всегда смотрю как на настоящее чудо – как на дар Божий.

* * *

...Они успели слишком много выпить и хотели есть. Но дело было под Рождество, и в зале не было мест. Получив вежливый отказ, они не унялись. Их выставили за дверь. Они стали пинать ногами беременную хозяйку. Тогда хозяин, тщедушный молодой блондин, схватил ружье и выстрелил. Пуля попала в правый висок. Убитый лежал на полу, голова его свесилась набок, так что раны не было видно. Товарищ его, пьяный от вина и ужаса, начал плясать вокруг тела.

Ничем не примечательное происшествие, которое должно было завершиться заметкой в завтрашней газете. Но пока что в этом отдаленном уголке квартала тусклый свет, льющийся на мостовую, грязную и осклизлую после недавнего дождя, не смолкающее шуршание мокрых шин, звонки проезжающих время от времени ярко освещенных трамваев придавали этой потусторонней сцене нечто тревожное: неотвязная сусальная картинка – этот квартал под вечер, когда улицы заполняются тенями, вернее, когда порой является здесь одна-единственная тень, безымянная, угадываемая по глухому шарканью и невнятным речам, залитая кровавым светом красного аптечного фонаря.

* * *

Январь 1936 г.

За окном сад, но я вижу только его ограду. Да редкую листву, сквозь которую струится свет. Выше тоже листва. Еще выше – солнце. Я не вижу, как ликует на дворе ветерок, не вижу этой радости, разлитой в мире, я вижу только тени листьев, пляшущие на белых занавесках. Да еще пяток солнечных лучей, которые постепенно наполняют комнату светлым запахом сена. Порыв ветерка, и тени на занавеске приходят в движение. Стоит солнцу зайти за тучу, а затем выглянуть снова – и из тени ярко-желтым пятном выплывает ваза с мимозами. Довольно одного этого проблеска – и меня уже переполняет смутное дурманящее чувство радости.

Пленник пещеры, я остался один на один с тенью мира. Январский день. Правда, по-прежнему холодно. Все подернуто солнечной пленкой – она тонка и непрочна, но озаряет все вокруг вечной улыбкой. Кто я и что мне делать – разве что вступить в игру листвы и света. Быть этим солнечным лучом, сжигающим мою сигарету, этой нежностью и этой сдержанной страстью, которой дышит воздух. Если я стараюсь найти себя, то ищу в самой глубине этого света. А если я пытаюсь постичь и вкусить этот дивный сок, выдающий тайну мира, то в глубине мироздания я обретаю самого себя. Себя, то есть это наивысшее чувство, которое очищает от всего внешнего, наносного. Скоро меня вновь обступят другие вещи и люди. Но дайте мне вырвать это мгновение из ткани времен и сохранить его в памяти, как другие хранят цветок в книге. Они прячут между страниц прогулку, где к ним пришла любовь. Я тоже гуляю, но меня ласкает божество. Жизнь коротка, и грешно терять время. Я теряю время целыми днями, а люди говорят, что я весьма деятелен. Сегодня передышка – сердце мое идет навстречу самому себе.

Тоска снова охватывает меня, оттого что я чувствую, как этот неуловимый миг выскальзывает из рук, словно шарики ртути. Не мешайте же тем, кто хочет отгородиться от мира. Я уже не жалею, ибо наблюдаю за собственным рождением. Я счастлив в этом мире, ибо мое царство от мира сего. Облако уплывает, мгновение тает. Я умираю для себя самого. Книга раскрывается на любимой странице. Как ничтожна сегодня эта страница по сравнению с книгой мира. Какое имеет значение, страдал я или нет, если страдание пьянит меня, ибо оно – в этом солнце и этих тенях, в этом тепле и в этом холоде, идущем откуда-то издалека, из глубины морозного воздуха. К чему мне гадать, умирает ли что-нибудь в людях и страдают ли они, –

ведь все написано в этом окне, куда врывается бескрайнее небо. Я могу сказать и сразу скажу, что важно быть человеческим, простым. Нет, важно быть самим собой, это включает в себя и человечность, и простоту. А когда я становлюсь самим собой, когда я становлюсь чист и прозрачен, как не тогда, когда я сливаюсь с миром?

Миг восхитительной тишины. Люди молчат. Но раздается песнь мира, и все мои желания, желания человека, обреченного влачить жизнь в глубокой пещере, сбываются прежде, чем я успел их загадать. Вот она, вечность, на которую я уповал. Теперь я могу говорить. Не знаю, что может быть лучше, чем это постоянное присутствие во мне моего подлинного «я». Теперь я жажду не счастья, но лишь осознания. Человек мнит себя отрезанным от мира, но стоит оливе подняться в золотящейся пыли, стоит слепящему утреннему солнцу осветить песчаные отмели – и человек чувствует, как его непреклонность смягчается. Так и со мной. Я осознаю возможности, за которые несу ответственность. В жизни каждая минута таит в себе чудо и вечную юность.

* * *

Мыслить можно только образами. Если хочешь быть философом, пиши романы.



Свят.: Молчать. Действовать. Социализм.
Приобретение и осуществление.
По сути: героические качества.

II часть

А. в настоящем

Б. в прошлом

Гл. А₁ – Дом перед лицом Мира. Знакомство.

Гл. Б₁ – Его воспоминания. Связь с Люсьеной.

Гл. А₂ – Дом перед лицом Мира. Его юность.

Гл. Б₂ – Люсьена рассказывает о своих изменах.

Гл. А₃ – Дом перед лицом Мира. Приглашение.

Гл. Б₄ – Сексуальная ревность. Зальцбург. Прага.

Гл. А₄ – Дом перед лицом Мира. Солнце.

Гл. Б₅ – Бегство (письмо). Алжир. Простуда, болезнь.

Гл. А₅ – Ночь под звездами. Катрин.

* * *

Патрис рассказывает свою историю об осужденном на смерть: «Я его вижу, этого человека. Он во мне. И каждое слово, которое он произносит, сжимает мне сердце. Он живой, он дышит, когда дышу я. Ему страшно, когда страшно мне.

...И тот, другой, который хочет смягчить его. Я вижу и его тоже. Он во мне. Я каждый день посылаю к нему священника, чтобы увещевать его.

Теперь я знаю, о чем буду писать. Приходит время, когда дерево после долгих страданий должно принести плоды. Зима всегда заканчивается весной. Мне нужно дать показания. Потом все начнется сначала.

...Я не стану говорить ни о чем, кроме своей любви к жизни. Но я расскажу о ней по-своему...

Другие пишут под диктовку неудовлетворенных желаний. Из каждого своего разочарования они создают произведение искусства, ложь, сотканную из обманов, наполняющих их жизнь. Но мои писания явятся плодом счастливых мгновений моей жизни. Хотя они будут жестокими. Мне необходимо писать, как необходимо плавать: этого требует мое тело».

III часть (все в настоящем).

Гл. I – «Катрин, – говорит Патрис, – я знаю, теперь я буду писать. Историю осужденного на смерть. Я вернулся к моему истинному призванию, оно заключается в том, чтобы писать».

Гл. II – Путь из Дома перед лицом Мира вниз, в порт и т. д. Тяга к смерти и солнцу. Любовь к жизни.

* * *

Шесть историй:

История блестящей игры. Роскошь.

История бедного квартала. Смерть матери.

История Дома перед лицом Мира.

История сексуальной ревности.

История осужденного на смерть.

История пути к солнцу.

* * *

На Балеарских островах: Прошлым летом.

Ценность путешествию придает страх. Потому что в какой-то момент, вдали от родной страны, родного языка (французская газета на вес золота. А вечера в кафе, когда стараешься ощутить локоть соседа!), нас охватывает смутный страх и инстинктивное желание вернуться к спасительным старым привычкам. Это самая очевидная польза путешествий. В это время мы лихорадочно возбуждены, впитываем все, как губка. Ничтожнейшее событие потрясает нас до глубины души. В луче света мы прозреваем вечность. Поэтому не следует говорить, что люди путешествуют для собственного удовольствия. Путешествие вовсе не приносит удовольствия. Я скорее склонен видеть в нем аскезу. Люди путешествуют ради культуры, если понимать под культурой извлечение из-под спуда самого глубокого нашего чувства – чувства вечности. Удовольствия отдаляют нас от себя самих, как у Паскаля развлечения отдаляют нас от Бога. Путешествие как самая великая и серьезная наука помогает нам вновь обрести себя.

* * *

Балеарские острова.
Бухта.
Сан-Франциско – монастырь.
Бельвер.
Богатый квартал (тень и старые женщины).
Бедный квартал (окно).
Собор (дурной вкус и шедевр).
Кафешантан.
Берег Мирамара.
Вальдемоса и террасы.
Соллер и юг.
Сан Антонио (монастырь). Феланиткс.
Полленса: город. Монастырь. Пансион.
Ивиса: бухта.
Ла-Пенья: оборонительные сооружения.
Сан Эулалия: пляж. Праздник.
Кафе на пристани.
Деревни: каменные стены и мельницы.

* * *

13 февраля 1936 г.

Я требую от людей больше, чем они могут мне дать. Бессмысленно утверждать обратное. Но какое заблуждение и какая безысходность. Да и я сам, быть может...

* * *

Искать связей. Всяких связей. Если я хочу писать о людях, мыслимо ли отворачиваться от пейзажа? А если меня притягивают небо или свет, разве забуду я глаза и голоса тех, кого люблю? Каждый раз мне дарят кусочки дружбы, клочки чувства, и никогда – все чувство, всю дружбу.

Иду к другу, который старше меня, чтобы рассказать ему обо всем. По крайней мере о том, что камнем лежит на сердце.

Но он торопится. Разговор обо всем и ни о чем. Время идет.

И вот я еще более одинок и более опустошен, чем прежде.

Эта шаткая мудрость, которую я пытаюсь сколотить, может рухнуть от любого слова, случайно оброненного спешащим другом! «Non ridere, non lugere»¹... И сомнения в себе и в других.

* * *

Март

День то облачный, то солнечный. Мороз в желтых блестках.

¹ Не смеяться, не плакать (*лат.*).

Мне стоило бы вести дневник погоды. Вчера солнце сияло так ясно. Бухта дрожала, зали-
тая светом, словно влажные губы. А я весь день работал.

* * *

Заглавие: Надежда мира.

* * *

Гренье о коммунизме: «Весь вопрос вот в чем: надо ли во имя идеала справедливости
соглашаться с глупостями?» Можно ответить «да» – это прекрасно. Можно ответить «нет» –
это честно.

* * *

При всех различиях: проблема христианства. Смущают ли верующего противоречия в
евангелиях и черные дела церковников? Что значит верить в Бога: значит ли это верить в Ноев
ковчег – и защищать Инквизицию или суд, осудивший Галилея?

Но, с другой стороны, как примирить коммунизм с чувством отвращения? Если я впадаю
в крайности, доходящие до абсурда и не приносящие пользы, я отрицаю коммунизм. А тут
еще религия...

* * *

В смерти игра и героизм обретают свой подлинный смысл.

* * *

Вчера. Освещенные солнцем набережные, арабские акробаты и сияющий порт. Можно
подумать, что на прощание этот край расцвел и решил щедро одарить меня. Эта чудная зима
искрится морозом и солнцем. Голубым морозом.

Трезвое опьянение и улыбающаяся нищета – отчаянное мужество греческих стел, при-
нимающих жизнь как она есть. Зачем мне писать и творить, любить и страдать? Утраченное
мною в жизни, по сути, не самое главное. Все теряет смысл.

Мне кажется, что перед лицом этого неба и исходящего от него жаркого света ни отчая-
ние, ни радость ничего не значат.

* * *

16 мая

Долгая прогулка. Холмы на фоне моря. И ласковое солнце.

Белые соцветия шиповника. Крупные, насыщенно-лиловые цветы. И возвращение, сла-
дость женской дружбы. Серьезные и улыбающиеся лица молодых женщин. Улыбки, шутки,
планы. Игра начинается вновь. И все делают вид, будто подчиняются ее правилам, с улыбкой
принимая их на веру. Ни одной фальшивой ноты. Всеми своими движениями я связан с миром,
всеми своими чувствами я связан с людьми. С вершины холмов видно, как после недавних
 дождей под лучами солнца над землей поднимается туман. Даже спускаясь вниз по лесистому

склону и погружаясь в это ватное марево, среди которого чернели деревья, я чувствовал, что этот чудесный день озарен солнцем. Доверие и дружба, солнце и белые домики, едва различимые оттенки. О, мгновения полного счастья, которые уже далеко и не могут рассеять меланхолию, одолевающую меня по вечерам; теперь они значат для меня не больше, чем улыбка молодой женщины или умный взгляд понимающего друга.

* * *

Время течет так быстро из-за отсутствия ориентиров. То же и с луной в зените и на горизонте. Годы юности тянутся так медленно потому, что они полны событий, годы старости бегут так стремительно оттого, что заранее predetermined. Отметить, например, что почти невозможно смотреть на стрелку часов в течение пяти минут – так это долго и безысходно.

* * *

Март

Серое небо. Но свет все же просачивается. Только что упали несколько капель. Там, внизу, бухта уже заволакивается дымкой. Загораются огни. Счастье и те, кто счастливы. Они имеют лишь то, что заслуживают.

* * *

Март

Радость моя безгранична.

* * *

Dolorem exprimit quia movit amorem.

* * *

Март

Клиника над Алжиром. Довольно сильный ветер бежит по склону, взъерошивая траву, освещенную солнцем. И весь этот нежный и светлый порыв стихает, не доходя до гребня холма, у подножия черных кипарисов, которые, сомкнув ряды, штурмуют вершину. С неба льется дивный свет. Внизу морская гладь сверкает синезубой улыбкой. Под солнцем, которое греет мне только одну половину лица, я стою на ветру и, не в силах вымолвить ни слова, смотрю, как текут эти неповторимые мгновения. Но появляется сумасшедший в сопровождении санитаров. Он держит под мышкой коробку, выражение лица – самое серьезное.

– Добрый день, мадемуазель (обращаясь к молодой женщине, стоящей рядом со мной).

Затем ко мне:

– Разрешите представиться: господин Амброзино.

– Господин Камю.

– А! Я знавал одного Камю. Грузовые перевозки в Мостаганеме. Наверно, ваш родственник.

– Нет.

– Не важно. Позвольте мне немного побыть с вами. Мне каждый день разрешают выходить на полчаса. Но приходится ползать на брюхе перед санитаром, чтобы он согласился меня сопровождать. Вы родственник мадемуазель?

– Да, сударь.

– А! Тогда я объявляю вам, что на Пасху мы обручимся. Моя жена согласна. Мадемуазель, примите этот маленький букет. И письмо, оно тоже вам. Посидите со мной. У меня только полчаса.

– Нам пора уходить, господин Амброзино.

– Уже! Но когда же я вас снова увижу?

– Завтра.

– Ах! Ведь у меня всего полчаса, и я пришел, чтобы немного помузицировать.

Мы уходим. На дороге чудесно сверкают красные герани. Сумасшедший достал из коробки тростинку с продольной прорезью, затянутой тонкой резиной. Он извлекает из нее странную музыку, жалобную и задушевную: «Дорога под дождем...» Мы слышим музыку, идя мимо гераней, мимо больших клумб, покрытых маргаритками, вдоль моря, улыбающегося своей невозмутимой улыбкой.

Я открыл письмо. В нем были рекламные объявления, вырезанные и аккуратно пронумерованные карандашом.

* * *

М. – Каждый вечер он клал это оружие на стол. Закончив работу, он убирал бумаги, брался за револьвер и приставлял его ко лбу, он терся об него висками, прижимался к холодному металлу горящими щеками. Он долго сидел так, водя пальцами по гашетке, ощупывая стопорный вырез, пока все вокруг не затихало и он не задремывал, ощущая только одно – холодный солоноватый металл, несущий смерть.

Тот, кто не убивает себя, должен молчать о жизни. И, просыпаясь с горькой слюной во рту, он лизал ствол револьвера, всовывал в него язык и, хрипя от бездонного счастья, с восхищением повторял: «Радость моя безбрежна».

М. – 2-я часть.

Цепь катастроф – его мужество – жизнь его соткана из несчастий. Он обживает это скорбное существование, он весь день ждет, когда же наступит вечер и он вернется наконец домой, к своему одиночеству, недоверию, отвращению. Его считают твердым и стойким. Если приглядеться, дела идут как нельзя лучше. Однажды случается пустяк: приятель невнимательно слушает его и отвечает рассеянно. Он возвращается домой. Он кончает с собой.

* * *

31 марта

У меня такое чувство, будто я постепенно поднимаюсь со дна.

Нежная и сдержанная дружба женщин.

* * *

Социальный вопрос решен. Равновесие восстановлено. Через две недели я поставлю точку. Ни на секунду не забывать о книге. Не откладывая, начать работу прямо с воскресенья.

После долгого периода беспокойства и отчаяния переделать все заново. Наконец-то вышло солнце, и тело мое оживает. Молчать – верить самому себе.

* * *

Апрель

Первые жаркие дни. Духота. Все живое в полном изнеможении. Когда день клонится к закату, над городом какой-то странный воздух. Звуки поднимаются и исчезают в вышине, как воздушные шары. Деревья и люди неподвижны. Мавританки болтают на террасах, ожидая, когда наступит вечер. В воздухе стоит запах жареного кофе. Нежная и безнадежная пора. Не к чему прижаться губами. Не перед кем броситься на колени в порыве благодарности.

* * *

Жара на набережных – страшная, изнуряющая, от нее перехватывает дыхание. Тяжелый запах гудрона дерет горло. Упадок сил и желание смерти. Вот подлинная атмосфера трагедии, а вовсе не ночь, как принято считать.

* * *

Чувства и мир. Желания смешиваются. Сжимать в объятиях тело женщины – то же, что вбирать в себя странную радость, которая с неба нисходит к морю.

* * *

Солнце и смерть. Грузчик со сломанной ногой. Капли крови, тянущиеся по пылающим камням набережной. Похрустывание камешков. В кафе он рассказывает мне свою жизнь. Все разошлись, на столе остались шесть стаканов. Домик в пригороде. Жил один, возвращался к себе только под вечер, чтобы приготовить еду. Собака, кот, кошка, шестеро котят. У кошки нет молока. Котята умирают один за другим. Каждый вечер окоченевший дохлый котенок и нечистоты. А также смесь двух запахов: мочи и мертвечины. Вчера вечером (он потихоньку вытягивает руки, медленно отодвигая стаканы на край стола) подох последний котенок. Но мать сожрала половину. Значит, полкотенка! И как всегда нечистоты. Возле дома воеет ветер. Где-то очень далеко играют на рояле. Он сидит среди развалин и нищеты. И весь смысл существования вдруг комом подступает к горлу. (Стаканы падают один за другим, а он все продолжает раздвигать руки.) Сидит так несколько часов, сотрясаясь от бешеной ярости, без слов, с мокрыми от мочи руками и думает о том, что пора варить обед.

Все стаканы разбиты. А он улыбается. «Ничего, – успокаивает он хозяина, – мы за все заплатим».

* * *

Сломанная нога грузчика. В углу молодой мужчина молча улыбается.

* * *

«Это пустяки. Больше всего зла мне всегда причиняли общие идеи». Погоня за грузовиком, скорость, пыль, скрежет. Безумный ритм лебедек и механизмов, танец мачт на горизонте, бортовая качка судов. На грузовике: тряска по булыжникам набережной. Гигантская и фанта-

стическая декорация порта, солнце и кровь, белая меловая пыль, а в ней – двое молодых людей удаляются на полной скорости и хохочут как безумные.

* * *

Май

Не отгораживаться от мира. Когда живешь на виду, нет опасности, что жизнь сложится неудачно. В любой ситуации, в несчастье, в разочарованиях я прежде всего стараюсь восстановить контакты. И даже в печали своей я полон желаний любить и испытываю упоение при одном только виде холма в вечерней дымке.

Контакты с истиной, прежде всего с природой, потом с искусством посвященных, и мое собственное искусство, если я способен его создавать. В противном случае ничто не коснется меня: ни свет, ни вода, ни упоение, ни влажные от желания губы.

Улыбка отчаяния. Безысходного, но тщетно пытающегося подчинить меня себе. Главное: не потерять себя и не потерять то сокровенное, что дремлет в мире.

* * *

Май

Все контакты – культ моего «я»? Нет.

Культ «я» предполагает любительство или оптимизм. И то и другое вздор. Не выбирать свою жизнь, но расширять ее.

Внимание: Кьеркегор, источник наших бед – это сравнение.

Отрезать себе путь к отступлению. Затем в равной мере принять и «да», и «нет».

* * *

Май

Как красивы женщины в Алжире на склоне дня.

* * *

Май

На пределе. И сверх того: игра. Я говорю «нет», я труслив и слаб, а поступаю так, как если бы я говорил «да», как если бы я был силен и смел. Вопрос воли = доводить абсурд до конца = я способен на...

Следовательно, воспринимать ход игры трагически, а ее результат (который, пожалуй, безразличен) комически.

Но не терять на это времени. Искать высший опыт в одиночестве. Совершенствовать игру завоеванием самого себя – зная, что это абсурдно.

Примирение мудрого индуса и западного героя.

«Больше всего зла мне всегда причиняли общие идеи».

От этого высшего опыта всегда следует отказываться во имя дружбы. Чтобы затем продолжить. Рука дружбы – редкость.

* * *

Бог – Средиземное море: постройки – ничего природного.

Природа = равновесие.

* * *

Против нового промаха и слабости: усилие – внимание.
Демон: культура – тело
воля – труд (фил.)
Но с другой стороны: заступники —
каждый день
мое произведение
(эмоции)
высший опыт.
Философское произведение: абсурд.
Литературное произведение: сила, любовь и смерть под знаком завоевания.
И там, и тут смешивать оба жанра, сохраняя особое звучание. Написать однажды книгу,
которая даст разъяснение.
И об этом умственном напряжении: бесстрашие – презирать сравнение.

* * *

Эссе о смерти и философии – Мальро. Индия.
Эссе о химии.

* * *

Май

То, что жизнь сильнее всего, – истина, но она лежит в основе всех подлостей. Нужно открыто утверждать противоположное.

* * *

И вот они уже вопят: я имморалист.
Смысл: я должен прочесть себе мораль. Признай же это, глупец. Я тоже.

* * *

Другой неудачник: надо быть простым, надо быть самим собой, долой литературу – надо принимать жизнь и отдаваться ей. Да ведь мы только это и делаем.

Если вы закоренели в своем отчаянии, поступайте так, как если бы вы не утратили надежды, – или убейте себя. Страдание не дает никаких прав.

* * *

Интеллектуал? Да. И никогда не отступать. Интеллектуал – тот, кто раздваивается. Это мне по душе. Мне приятно, что во мне два человека. «Могут ли они слиться воедино?» Практический вопрос. Надо попробовать. «Я презираю интеллигентность» на самом деле означает: «Я не в силах выносить свои сомнения».

Я предпочитаю ни на что не закрывать глаза.

* * *

Ноябрь

Повидать Грецию. Дух и чувство, любовь к выражению как доказательства упадка. Греческая скульптура приходит в упадок, когда появляются улыбка и взгляд. Итальянская живопись тоже, включая XVI век «колористов».

Парадокс – судьба грека, ставшего великим художником поневоле. Дорические Аполлоны восхитительны, потому что лишены выражения. Только живопись (к сожалению) привнесла выражение. – Но живопись «проходит», а шедевр остается.

* * *

Национальности возникают как знак распада. Едва нарушилось религиозное единство Священной Римской империи – национальности.

Восток хранит цельность. Интернационализм пытается вернуть Западу его истинное значение и призвание. Но основа уже не христианская – греческая.

Нынешний гуманизм: он лишь усугубляет пропасть между Востоком и Западом (вспомним Мальро). Но он восстанавливает силу.

* * *

Протестантизм. Нюанс. В теории позиции, достойные восхищения: Лютер, Кьеркегор. А на практике?

* * *

Январь

Калигула, или Смысл смерти. 4 действия.

I а) Приход к власти. Радость. Добродетельная речь (ср. Светония).

б) Зеркало.

II а) Его сестры и Друзилла.

б) Презрение к великим.

в) Смерть Друзиллы.

Бегство Калигулы.

III

Конец: Калигула раздвигает занавес и выходит на авансцену: «Нет, Калигула не умер. Он тут и там. Он в каждом из нас. Если бы у вас была власть, если бы у вас было гордое сердце, если бы вы любили жизнь, вы увидели бы, как распоясывается это чудовище или ангел, которого вы носите в себе. Наша эпоха умирает оттого, что верила в нравственные ценности, верила, что все может быть прекрасным и неабсурдным. Прощайте, я возвращаюсь в Историю, где меня уже давно замуровали те, кто боится слишком сильно любить».

* * *

Январь

Эссе: Дом перед лицом Мира.

- В округе его называли домом трех студентов.
- Его покидают, чтобы жить затворником.
- Дом перед лицом Мира не дом, где развлекаются, это дом, где живут счастливо.

* * *

- Здесь одни девушки, – произносит М. в ответ на грубости, которые говорит Х.
М. и любовь:
- Вы вступили в возраст, когда радуются, узнавая себя в чужом ребенке.
- Ему надо изучить теорию относительности Эйнштейна – тогда он сможет заниматься любовью.
- Боже меня упаси, – говорит М.

* * *

Февраль

Цивилизация заключается не в большей или меньшей утонченности. Но в сознании, общем для целого народа. И это сознание никогда не бывает утонченным. Наоборот, оно вполне здоровое. Представлять цивилизацию творением элиты – значит отождествлять ее с культурой, меж тем как это совершенно разные вещи. Существует средиземноморская культура. Но существует также и средиземноморская цивилизация. С другой стороны, не надо путать цивилизацию и народ.

* * *

Гастроли (театр)

Утренняя нежность и эфемерность окрестностей Орана, таких суровых и резких в солнечном свете дня: сверкающие русла пересохших рек, окаймленные олеандрами, почти неправдоподобные краски неба в лучах восходящего солнца, лиловые горы с розовым обрамлением. Все предвещает лучезарный день. Но чувствуется, что сдержанность и мягкость уже на исходе.

* * *

Апрель 1937 г.

Любопытно: Неумение оставаться в одиночестве, неумение быть на людях. Соглашайся и на то, и на другое. И то, и другое приносит пользу.

* * *

Самый опасный соблазн: не походить ни на кого.

* * *

Касба: всегда наступает момент, когда человек отгораживается от самого себя. Угольки в костре, который потрескивает посреди темной грязной улочки.

* * *

Безумие – прекрасная декорация восхитительного утра – солнце. Небо и скелеты. Музыка. Палец по оконному стеклу.

* * *

Стремление всегда быть правым – признак вульгарного ума.

* * *

Рассказ: человек, который не хочет оправдываться. Он предпочитает мнение, которое о нем сложилось. Он умирает, так и не открыв никому правды о себе. Слабое утешение.

* * *

Апрель

Женщины, которые предпочитают мысли ощущениям.

* * *

Для эссе о развалинах:

Сухой – старый человек, высохший, как олива Сахеля.

1) Эссе о развалинах: ветер в развалинах или смерть на солнце.

2) Вернуться к теме «смерть в душе». Предчувствие.

3) Дом перед лицом Мира.

4) Роман – работать над ним.

5) Эссе о Мальро.

6) Диссертация.

* * *

В чужой стране солнце золотит дома на холме. Впечатление более сильное, чем от такого же зрелища в родной стране. Солнце здесь другое. Уж я-то доподлинно знаю, что солнце здесь другое.

* * *

Вечером мир над бухтой ласков. Бывают дни, когда мир лжет, и дни, когда он говорит правду. Сегодня вечером он говорит правду – и как настойчиво, печально и прекрасно.

* * *

Май

Психология, сводящаяся к копанию в мелочах, ошибочна. Люди ищут себя, изучают. Чтобы познать себя, чтобы самоутвердиться. Психология есть действие, а не самокопание. Человек пребывает в поиске в течение всей жизни. Познать себя до конца – значит умереть.

* * *

- 1) Чарующая поэзия, предвестница любви.
- 2) Человек, который был лишен всего, даже возможности умереть.
- 3) В молодости легче сживаешься с пейзажем, чем с человеком. Потому что пейзаж позволяет фантазировать.

* * *

Май

Набросок предисловия к «Изнанке и лицу».

В своем теперешнем виде эти эссе по преимуществу бесформенны.

Что происходит не от удобного для автора презрения к форме, но единственно от недостаточной зрелости. От читателей, которые примут эти страницы за то, чем они являются на самом деле, а именно за эссе, можно требовать лишь одного – чтобы они следили за их постепенным развитием. Быть может, если читать их подряд, удастся заметить подспудное движение мысли, которое их объединяет, я бы сказал – оправдывает, если бы оправдание не казалось мне бессмысленным и если бы я не знал, что люди всегда предпочитают верить не человеку, а представлению, которое о нем сложилось.

* * *

Писать – значит действовать бескорыстно. Некоторая отрешенность в искусстве. Переписывать. Усилие всегда оборачивается большей или меньшей выгодой. Если ты потерпел неудачу, виновата лень.

* * *

Лютер: «В тысячу раз важнее твердо верить в отпущение грехов, чем быть его достойным. Эта вера делает вас достойным и приносит истинное удовлетворение».

(Проповедь об оправдании верой, прочитанная в Лейпциге в 1519 году.)

* * *

Июнь

Священник каждый день навещает осужденного на смерть. При мысли о том, что ему отрежут голову, колени подгибаются, губы пытаются произнести имя, всем существом овладевает безумное желание броситься на землю и укрыться в «Господи, Господи!».

Но каждый раз человек сопротивляется, не хочет этой легкости и хочет подавить весь свой страх. Он умирает молча, с глазами, полными слез.

* * *

Философии значат столько, сколько значат философы. Чем больше величия в человеке, тем больше истины в его философии.

* * *

Цивилизация против культуры.

Империализм есть чистая цивилизация. Ср. Сесил Родс. «Экспансия – это все» – цивилизации суть островки – культура неизбежно превращается в цивилизацию (ср. Шпенглер).

Культура: вопль человека перед лицом судьбы.

Цивилизация, ее упадок: жадность человека перед лицом богатств. Ослепление.

О политической теории касательно Средиземноморья.

«Я говорю о том, что знаю».

* * *

- 1) Экономические очевидности (марксизм).
- 2) Духовные очевидности (Священная Римская империя).

* * *

Трагическая борьба страждущего мира. Никчемность проблемы бессмертия. Нас волнует прежде всего наша судьба, да.

Но не «после» – «до».

* * *

Утешительная сила Ада.

- 1) С одной стороны, бесконечное страдание непостижимо для нас – мы воображаем передышки.
- 2) Мы нечувствительны к слову вечность. Оно для нас – абстракция. Разве что в той мере, в какой мы говорим о «вечном мгновении».
- 3) Ад – это жизнь с этим телом, которая все же лучше, чем небытие.

* * *

Логическое правило: единичное имеет значение универсального.

Алогическое: трагическое противоречиво.

Практическое: человек может быть умен в какой-то одной области и глуп в других.

* * *

Быть глубоким благодаря неискренности.

* * *

«Крошка» глазами Марселя. «Ее муж в этом деле не мастак. Как-то раз она мне говорит: “С мужем все совсем не так”».

* * *

Сражение под Шарлеруа глазами Марселя.

«Нам, зуавам, велели растянуться цепью. Командир говорит: «Вперед!» Мы спустились в какой-то овраг с деревьями. Говорят: «Вперед!» А впереди никого не видать. И мы идем себе, идем. Вдруг пулеметы как начали по нас строчить. Все попадали друг на друга. Столько было раненых и убитых, на дно оврага столько натекло крови, что хоть на лодке плыви. Вот тут кое-кто закричал «Мама!», так было страшно».

* * *

– О Марсель, сколько у тебя медалей, где же ты все это заработал?

– Где заработал? Да на войне.

– Как на войне?

– Тебе что, грамоты принести, где про это написано? Хочешь прочесть своими глазами?

Ты что же думаешь?

Приносит «грамоты».

«Грамоты» выписаны на весь полк, в котором служил Марсель.

* * *

Марсель. Мы люди небогатые, но едим вдоволь. Видишь моего внука – ест больше отца. Его отцу хватает фунта хлеба, а этому целый килограмм подавай. И знай себе уплетает за обе щеки, знай себе наворачивает. Как проглотит, отдышится и ест дальше.

* * *

Июль

Вид квартала Мадлен. Красота, пробуждающая любовь к бедности. Я так далек от моего лихорадочного возбуждения – я почти не способен ничем гордиться, кроме своей любви. Держаться поодаль. Надо высказать, и высказать поскорее, что у меня на сердце.

* * *

«Никакого отношения». Настоящий роман. Ревностный поборник веры. Его мать умирает. Он от всего отказывается. Но вера его не пошатнулась. Никакого отношения, в этом-то все и дело.

* * *

Гидросамолет: величие металла, сверкающего в бухте и среди голубого неба.

* * *

Сосны, желтизна пыльцы и зелень листьев.

* * *

Христианство, как и Жид, требует от человека смирения страстей. Но Жид видит в этом лишь удовольствие. Христианство же считает это умерщвлением плоти. В этом смысле оно более «естественно», чем интеллеktуал Жид. Но менее естественно, чем народ, который утоляет жажду из источников и знает, что удовольствие кончается пресыщением («Апология пресыщения»).

* * *

Прага. Бегство от себя.

– Я хотел бы комнату.

– Разумеется. На одну ночь?

– Нет. Не знаю.

– У нас есть номера по 18, 25 и 30 крон.

(Никакого ответа.)

– Какой номер вы желаете, месье?

– Любой (смотрит на улицу).

– Портье, отнесите вещи в номер 12.

(Очнувшись.)

– Сколько стоит этот номер?

– Тридцать крон.

– Это слишком дорого. Я хотел бы номер за 18 крон.

– Портье, номер 34.

* * *

1) В поезде, который уносил его в «...», Х. рассматривал свои руки.

2) Тип, который постоянно торчит там. Но это просто совпадение.

* * *

Лион.

Форарльберг-Халле.

Купштейн. Часовня и поля вдоль Инна в дождь. Все более и более глухие места.

Зальцбург. Ильдерман. – Кладбище Святого Петра. Сад Мирабель и его гордость. Дожди, флоксы – озеро и горы – поход на плато.

Линц. Дунай и рабочие предместья. Врач.

Бутвайс. Предместье. Маленький готический монастырь. Глушь.

Прага. Первые четыре дня. Монастырь в стиле барокко. Еврейское кладбище. Барочные церкви. Посещение ресторана. Голод. Безденежье. Покойник. Огурец в уксусе. Однорукий человек играет на аккордеоне, подложив его ремень под задницу.

Дрезден. Живопись.

Баутцен. Готическое кладбище. Герань и множество солнц в кирпичных арочках.
Бреслау. Моросящий дождь. Церкви и заводские трубы. Трагический пейзаж.
Равнины Силезии. Безжалостные и неблагодарные – дюны – стая птиц, пролетающая про-
мозглым утром над слякотной землей.

Ольмюц. Ласковые и спокойные равнины Моравии. Кислые сливы и волнующие дали.
Брно. Бедные кварталы.

Вена. Цивилизация – пышные громады в окружении садов. Сокровенная тоска, которая прячется в этих шелковых складках.

* * *

Италия.

Церкви вызывают особое чувство: Ср. Андреа дель Сарто.

Живопись: суровый и застывший мир, доверие и т. д.

Отметить: итальянская живопись и ее упадок.

* * *

Интеллектуал перед выбором: присоединиться или нет (фрагмент).

* * *

Июль

Что невыносимо для женщин в привязанности без любви, которой жалуется их мужчина.
Для мужчины – горькая нежность.

* * *

Супружеские пары: мужчина пытается перед кем-нибудь блеснуть. Жена тут же: «А сам-то ты...» – и старается его принизить, выставить такой же посредственностью, как и она сама.

* * *

В поезде. Мать говорит ребенку:

– Не соси пальцы, грязнуля.

Или: – Если не перестанешь, ты у меня получишь.

То же. Супружеские пары: жена в переполненном поезде встает с места.

– Дай, – говорит она.

Муж роется в кармане и протягивает ей клочок бумаги, который она просит.

* * *

Июль 1937 г.

Для Романа об игроке.

Ср. «Плеяды»: захватывающий ритм. Вести игру.

Душа, созданная для роскоши. Искатель приключений.

* * *

Июль 1937 г.

Игрок. Революция, слава, любовь и смерть. Разве стоят они того, что есть во мне, такое важное и неподдельное?

– Что же?

– Груз подступающих слез, – говорит он, – питающих мою любовь к смерти.

* * *

Июль 1937 г.

Искатель приключений. Отчетливо чувствует, что в искусстве делать уже нечего. Ничто великое, ничто новое не возможно – во всяком случае, в западной культуре. Остается только действовать. Но тот, в ком есть величие души, начнет действовать не иначе, как с отчаянием.

* * *

Июль

Когда аскеза добровольна, можно поститься шесть недель, обходясь одной водой. Когда она вынуждена (голод), то не больше десяти дней.

Запас истинной жизненной силы.

* * *

Система дыхания тибетских йогов. Следовало бы привести в подобные опыты нашу позитивную методологию. Иметь «откровения», в которые сам не веришь. *Что мне нравится:* сохранять трезвость ума даже в исступлении.

* * *

Женщины на улице. Зверь, сгорающий от желания, уютно расположился в лоне и ступает мягко, как дикое животное.

* * *

Август

Парижское шоссе: кровь стучит в висках, мир и люди внезапно и странно отдаляются. Борюсь со своим телом. Я сидел на ветру, опустошенный, выпотрошенный, и все время думал о К. Мэнсфилд, об этой длинной трогательной и горестной истории борьбы с болезнью. В Альпах наряду с одиночеством и с мыслью о том, что я приехал лечиться, меня ждет *сознание*, что я болен.

* * *

Идти до конца – значит не только сопротивляться, но также дать себе волю. Мне необходимо чувствовать свою личность постольку, поскольку в ней живет ощущение того, что выше

меня. Иногда мне необходимо писать вещи, которые от меня ускользают – но именно они и доказывают, что есть во мне что-то сильнее меня.

* * *

Август

Приветливость и волнение Парижа. Кошки, дети, всеобщая непринужденность. Серые тона, небо, большой парад камня и воды.

* * *

Арль.

* * *

Август 1937 г.

Он каждый день уходил в горы и возвращался, не говоря ни слова, с запутавшимися в волосах травинками, весь в царапинах. И каждый раз повторялось одно и то же: покорение без обольщения. Мало-помалу он преодолевал сопротивление этого неприветливого края. Ему удавалось слиться с круглыми белыми облаками, на фоне которых над гребнем возвышалась одинокая пихта, слиться с полями розоватого кипрея, с рябиной и колокольчиками. Он вращался в этот благоуханный каменистый мир. Когда он взбирался на далекую вершину и перед ним внезапно открывался величественный пейзаж, он не чувствовал в душе умиротворения любви, он заключал с этой чужой природой своего рода договор – то было перемирие между двумя заклятыми врагами, столкновение двух противников, а не дружеское общение двух старых знакомых.

* * *

Умиротворенность Савойи.

* * *

Август 1939 г.

Человек, который искал жизнь в том, в чем ее видят обычно (женитьба, положение в обществе и т. д.), и который, листая каталог модных вещей, вдруг обнаруживает, насколько ему чужда эта жизнь (такая, какой она предстает в каталоге модных вещей).

I часть. Его жизнь до этого момента.

II часть. Игра.

III часть. Отказ от компромиссов и правда в природе.

* * *

Август 1937 г.

Последняя глава? Париж – Марсель. Путь к Средиземному морю.

И он вошел в воду и смыл с себя черные уродливые отпечатки, оставленные миром. Вдруг, играя мускулами, он вновь почувствовал запах собственной кожи. Быть может, он нико-

гда так не ощущал своего единения с природой, согласованности своего бега с бегом солнца. В этот час, когда тьма полнилась звездами, движения его явственно вырисовывались на фоне безмолвного лика неба. Шевельнув рукой, он очерчивает пространство, отделяющее это сверкающее светило от того, которое временами исчезает из виду, он увлекает за собой снопы звезд, шлейф облаков. И вот – небесная влага, плещущая под его рукой, и город вокруг него, словно плащ с переливчатыми ракушками.

* * *

Два героя. Самоубийство одного из них?

* * *

Август 1937 г.

Игрок.

– Это будет трудно, очень трудно. Но это не повод.

– Конечно, – говорит Катрин, поднимая глаза к солнцу.

* * *

Игрок.

Госпожа Х., вообще-то старая дура, была прирожденной музыкантшей.

Для романа.

I часть: передвижной театр. Кино. История большой Любви (коллеж Сент-Шанталь).

* * *

Август 1937 г.

Проект плана. Сочетать игру и жизнь.

I часть.

A – Бегство от себя.

B – M. и бедность (все в настоящем времени). Главы серии A описывают игрока. Главы серии B – жизнь до смерти матери (смерть Маргариты – различные занятия: маклерство, авто-детали, префектура и т. д.).

Последняя глава: Путь к солнцу и смерть (самоубийство – естественная смерть).

II часть.

Наоборот. A в настоящем: вновь обретенная радость. Дом перед лицом Мира. Связь с Катрин.

B в прошлом. Обманут. Сексуальная ревность. Бегство.

III часть.

Все в настоящем. Любовь и солнце. Нет, говорит мальчик.

* * *

Август 1937 г.

Всякий раз, как я слышу или читаю политические выступления тех, кто нами руководит, я с ужасом обнаруживаю, что в них нет ни единого человеческого слова. Вечно одни и те же фразы, повторяющие одну и ту же ложь. И если люди к этому привыкают, если народ еще не

растерзал марионеток, это, по моему убеждению, доказывает только одно: люди ни в грош не ставят свое правительство и превращают в игру – да-да, именно в игру – немалую часть своей жизни и своих так называемых жизненных интересов.

* * *

А₂ или А₅ части I.

Я в отчаянии от того, какое огромное значение люди придают душевным порывам. Если вы меланхолик, жизнь вдвоем становится невыносимой. Ибо, если вы родились с благородным сердцем, вам не снести бесчисленных вопросов, которыми вас засыпают. А ведь это может значить для вас почти так же много, как голод или желание...

* * *

Август 1937 г.

План. Три части.

I часть: А в настоящем.

Б в прошлом.

Гл. А₁ – день г-на Мерсо, взгляд со стороны.

Гл. Б₁ – Бедный квартал Парижа. Лавка, где торгуют кониной. Патрис и его семья. Немой.

Бабушка.

Гл. А₂ – Беседа и парадоксы. Гренье. Кино.

Гл. Б₂ – Болезнь Патриса. Доктор. «Эта высшая точка...»

Гл. А₃ – Месяц передвижного театра.

Гл. Б₃ – Занятия (маклерство, автодетали, префектура).

Гл. А₄ – История великой любви: «С вами такого больше не случилось?» – «Случилось, сударыня, когда я увидел вас». Тема револьвера.

Гл. Б₄ – Смерть матери.

Гл. А₅ – Встреча с Раймондой.

* * *

Или:

I А – Сексуальная ревность.

Б – Бедный квартал – мать.

II А – Дом перед лицом Мира – звезды.

Б – Бьющая через край жизнь.

III Бегство – Катрин, которую он не любит.

* * *

Сокращать и уплотнять. История сексуальной ревности, которая приводит к отъезду в чужие края. Возвращение к жизни.

«Мудрость, за которой он ездил так далеко, сохраняла, конечно, свою ценность, но только по возвращении в царство света».

Приезд в Прагу – до самого отъезда – болезнь.

Объяснение – Люсиль – Бегство.

* * *

Август

Отсутствие испанских философов.

* * *

Роман: человек, понявший, что для того, чтобы жить, надо быть богатым, всецело предается погоне за деньгами, добивается успеха, живет и умирает *счастливым*.

* * *

Сентябрь

Тот август был чем-то вроде затишья – глубокий вдох, прежде чем неистовым усилием все разрешить. Прованс и что-то во мне, чему приходит конец. Прованс подобен женщине, которая опирается на вашу руку.

Надо жить и созидать. Жить до слез – как перед этим крытым круглой черепицей домом с синими ставнями, который стоит на поросшем кипарисами склоне.

* * *

Монтерлан: Со мной всегда что-нибудь случается.

* * *

В Марселе, счастье и грусть – я на пределе. Любимый мною живой город. Но в то же время – горечь одиночества.

* * *

8 сентября

Марсель, гостиничный номер. Обои – желтые цветы на сером фоне. География грязных пятен. Загаженные, закопченные углы позади огромного радиатора. Кровать с сеткой, разбитый выключатель... Та свобода, которую чувствуешь при виде чего-то сомнительного и подозрительного.

* * *

М. 8 сентября

Долгий заход ослепительного солнца. Цветущие олеандры в Монако и Генуе. Синие вечера на лигурийском побережье. Моя усталость и подступающие к горлу слезы. Одиночество и жажда любить. Наконец Пиза, живая и строгая, ее зелено-желтые дворцы, ее купола и дивные берега сурового Арно. Сколько благородства в этом отказе распахнуть свою душу. Город стыдливый и чувствительный. На безлюдных ночных улицах он совсем рядом со мной – и, гуляя один, я даю наконец волю слезам. Какая-то незаживающая рана в моей душе начинает зарубцовываться.

* * *

На стенах Пизы: Alberto fa l'amore con la mia sorella ².

* * *

Четверг 9

Пиза и ее жители, отдыхающие на площади перед Дуомо. Кампо Санто с его прямыми линиями и кипарисами по углам. Становятся понятными распри XV и XVI веков. Каждый город здесь имеет свое лицо и свою сокровенную правду.

Нет другой жизни, кроме той, чье уединение нарушал мерный звук моих шагов по берегу Арно. А также той, что волновала меня в поезде, идущем во Флоренцию. Женщины с такими серьезными лицами вдруг разражались смехом. Особенно хохотала одна, с длинным носом и горделивым ртом. В Пизе я долго предавался лени на поросшей травой Пьяцца дель Дуомо. Я пил из фонтанчиков, и вода была тепловатой, но бежала так быстро. По пути во Флоренцию я подолгу любовался лицами, упивался улыбками. Счастлив я или несчастен? Не важно. Я живу так яростно.

Вещи, живые существа ждут меня, и я, конечно, тоже жду их и тянусь к ним всеми силами моей печальной души. Но здесь я добываю себе средства к существованию, храня молчание и тайну.

Как чудесно, когда не нужно говорить о себе.

* * *

Гоццоли и Ветхий завет (костюмированный).

* * *

Фрески Джотто в церкви Санта Кроче. Потаенная улыбка святого Франциска, любящего природу и жизнь. Он оправдывает тех, кто стремится к счастью. Мягкий нежный свет над Флоренцией. Небо набухает, медля пролиться дождем. «Положение во гроб» Джоттино: Мария скорбит, сжав зубы.

* * *

Флоренция. На углу возле каждой церкви горы цветов с плотными блестящими лепестками, в капельках росы, таких простодушных.

* * *

Mostra Giottesca ³.

Требуется время, чтобы заметить, что ранние флорентийские мастера изображали лица, которые каждый день встречаются на улицах. Потому что мы утратили привычку видеть в

² Альберто занимается любовью с моей сестрой (*ит.*).

³ Выставка Джотто (*ит.*).

лице главное. Мы уже не смотрим на своих современников, мы лишь берем от них то, что помогает нам ориентироваться (во всех смыслах). Раннехристианские мастера не искажают, они «воплощают».

* * *

Над монастырским кладбищем Сантиссима Аннунциата серое небо с нависшими тучами; архитектура строгая, но ничто здесь не напоминает о смерти. Есть надгробные плиты и надписи: этот был нежным отцом и верным мужем, тот был лучшим из супругов и предприимчивым торговцем, молодая женщина, образец всех добродетелей, говорила по-французски и по-английски, *si come il nativo*⁴. (Все ревностно исполняли свой долг, а сегодня на плитах, призванных увековечить их совершенства, дети играют в чехарду.) Вон там лежит девушка, бывшая единственной надеждой своих родных. *Ma la gioia e pellegrina sulla terra*⁵. Однако все это меня не убеждает. Почти все, судя по надписям, покорились вышней воле, вероятно, оттого, что ревностно выполняли свой долг в этом, как и во всем прочем. Я не покорюсь. Я буду безмолвно протестовать до конца. Нечего говорить «надо». Я прав в своем бунте, и я буду шаг за шагом идти к радости, этой вечной страннице на земле.

Тучи сгущаются, и ночь постепенно погружает во мрак надгробные плиты, на которых высечена мораль, приписанная мертвым. Если бы я был моралистом и писал книгу, то из сотни страниц девяносто девять оставил бы чистыми. На последней я написал бы: «Я знаю только один долг – любить». Никаких других я *не признаю*. Решительно не признаю. Плиты утверждают, что это бесполезно и что жизнь идет. *Col sol levante, col sol cadente?*⁶ Но бесполезность нимало не ослабляет моего бунта, наоборот, она его разжигает.

* * *

Я сидел на земле, прислонившись к колонне, и думал об этом, а дети смеялись и резвились. Священник улыбнулся мне. Женщины смотрели на меня с любопытством. В церкви глухо играл орган, и его мягкий звук доносился порой сквозь крики детей. Смерть! Если продолжать в том же духе, я мог бы умереть счастливым. Я растранирил бы всю свою надежду.

* * *

Сентябрь

Если вы говорите: «Я не понимаю христианства, мне нужны утешения», значит, вы человек ограниченный и пристрастный.

Но если, живя без утешения, вы говорите: «Я понимаю позицию христианства и восхищаюсь ею», значит, вы легкомысленный дилетант. Что до меня, я начинаю утрачивать чувствительность к общественному мнению.

* * *

Монастырь Сан Марко. Солнце среди цветов.

⁴ Как на своем родном языке (*ит.*).

⁵ Но радость – странница на земле (*ит.*).

⁶ Жизнь то возвышает нас, то губит (*ит.*).

* * *

Раннее Возрождение в Сиене и Флоренции. Художники постоянно изображали здания маленькими, а людей большими, не потому, что не знали законов перспективы, но потому, что упорно верили в человека и святых, которых изображали. Брать с них пример в работе над театральными декорациями.

* * *

Поздние розы в монастыре Санта Мария Новелла и флорентийские женщины в это воскресное утро. Пышные груди, глаза и губы, от которых у вас начинает сильнее биться сердце, пересыхает во рту и по всему телу разливается жар.

* * *

Фьезоле.

Приходится вести трудную жизнь. Не всегда удается поступать так, как того требует мой взгляд на вещи. (И стоит мне только завидеть абрис моей судьбы, как он уже ускользает от моего взгляда.) Приходится упорно трудиться и бороться за то, чтобы вновь обрести одиночество. Но в один прекрасный день земля озаряется своей первозданной и наивной улыбкой. Тогда борьба и жизнь в нас сразу словно бы затихают. Миллионы глаз созерцали этот пейзаж, а для меня он словно первая улыбка мира. Он выводит меня из себя в глубинном смысле слова. Он убеждает меня, что вне моей любви все бесполезно и даже любовь моя, если она утратила невинность и беспредметность, бессильна. Он отказывает мне в индивидуальности и не откликается на мои страдания. Мир прекрасен, и в этом все дело. Он терпеливо разъясняет нам великую истину, состоявшую в том, что ум и даже сердце – ничто. А камень, согретый солнцем, или кипарис, который кажется еще выше на фоне ясного неба, очерчивают единственный мир, где понятие «быть правым» обретает смысл, – природу без человека. Этот мир меня уничтожает. Он стирает меня с лица земли. Он отрицает меня без гнева. А я, смирившийся и побежденный, устремляюсь на поиски мудрости, которой все уже подвластно, – только бы слезы не застилали мне взор и только бы громкое рыдание поэзии, распирающее мне грудь, не заставило меня забыть о правде мира.

* * *

13 сентября

Запах лавра, который растет во Фьезоле на каждом шагу.

* * *

15 сентября

В монастыре Сан Франческо во Фьезоле есть маленький дворик, окруженный аркадами, полный красных цветов, солнца и черно-желтых пчел. В углу стоит зеленая лейка. Повсюду жужжат мухи. Маленький садик тихо курится под палящим солнцем. Я сижу на земле, думаю о францисканцах, чьи кельи только что видел, чьи вдохновенные порывы мне теперь понятны, и отчетливо сознаю, что если они правы, то и я прав. Я знаю, что за стеной, к которой прислоняюсь, есть холм, а у подножия его раскинулась, как дар Божий, вся Флоренция с ее кипари-

сами. Но великолепие мира словно бы оправдывает этих людей. Я призываю на помощь всю мою гордость, чтобы уверовать, что оно оправдывает и меня, и всех подобных мне – тех, кто знает, что крайняя бедность всегда смыкается с роскошью и богатством мира. Если мы сбрасываем покровы, то лишь для более достойной (а не для иной) жизни. Это единственный смысл, который я вкладываю в слово «голь» (*dénuement*). «Быть голым» всегда означает физическую свободу, близость руки к цветам, любовное согласие земли и человека, освободившегося от человеческих свойств, – ах, я несомненно уверовал бы во все это теперь, если бы это уже не произошло прежде.

Нынче я чувствую себя свободным по отношению к своему прошлому и к тому, что я утратил. Я жажду лишь этой сосредоточенности да замкнутого пространства – этого ясного и терпеливого горения. Я хочу одного: держать свою жизнь в руках, как тесто, которое из всех сил мнут и месят, прежде чем посадить хлебы в печь, – и уподобиться людям, сумевшим провести всю жизнь между цветами и колоннами. То же и эти долгие ночи в поезде, когда можно разговаривать с самим собой, наедине с собой строить планы и с восхитительным терпением возвращаться к уже обдуманному, останавливать свои мысли на бегу, затем снова гнать их вперед. Сосать свою жизнь, как леденец, лепить, оттачивать, наконец, любить ее – так подыскивают окончательное слово, образ, фразу, заключительные, западающие в память, те, что мы уносим с собой и что будут отныне определять наш угол зрения. Можно на том и остановиться и положить конец целому году мятежной и изнурительной жизни. Я силюсь довести свое присутствие в себе самом до конца, сохранить его во всей моей многоликой жизни – даже ценой одиночества, нестерпимость которого я теперь узнал. Главное – не поддаваться. Не соглашаться, не предавать. Все мое исступление помогает мне в этом, и в точке, куда оно несет меня, я обретаю мою любовь, а вместе с нею – неистовую страсть жить, которая составляет смысл моего существования.

Всякий раз, когда человек («Я») уступает своему тщеславию, всякий раз, когда человек думает и живет, чтобы «казаться», он совершает предательство. Желание «казаться» – это большое несчастье, которое всегда принижало меня перед лицом истины. Нет необходимости открывать душу всем, откроем ее лишь тем, кого мы любим. Ибо в этом случае мы желаем не казаться, а лишь дарить. Сильный человек – тот, кто умеет казаться только тогда, когда надо. Идти до конца – значит уметь хранить свою тайну. Я страдал от одиночества, но, чтобы сохранить свою тайну, я преодолел страдание, причиняемое одиночеством. И сегодня я убежден, что самая большая заслуга человека в том, чтобы жить в одиночестве и безвестности. Писать – вот что приносит мне глубокую радость! Жить в согласии с миром и наслаждаться – но только быть при этом голым и босым. Я не был бы достоин любить наготу пляжей, если бы не умел оставаться нагим наедине с собой. Впервые слово «счастье» не кажется мне двусмысленным. Пожалуй, я понимаю под ним не совсем то, что обычно имеют в виду люди, говорящие: «Я счастлив».

Некоторое постоянство в отчаянии рано или поздно рождает радость. И у каждого из тех, кто в монастыре Сан Франческо окружили себя красными цветами, стоит в келье череп, дающий пищу для размышлений. За окном Флоренция, а на столе смерть. Что до меня, то если я чувствую, что в жизни моей происходит перелом, то не благодаря тому, что я приобрел, а благодаря тому, что утратил. Я чувствую в себе необъятные, глубокие силы. Именно они позволяют мне жить так, как я считаю нужным. Если сегодня я так далек от всего, то вот почему: у меня есть силы только на любовь и восхищение. Мне кажется, я готов приложить все силы любви и отчаяния, чтобы лелеять жизнь с ее залитым слезами или сияющим лицом, жизнь без соли и раскаленного камня, жизнь, как я ее люблю и понимаю. Сегодня не похоже на перевалочный пункт между «да» и «нет». Оно – и «да», и «нет». «Нет» – и бунт против всего, что не есть слезы и солнце. «Да» – моей жизни, которая впервые сулит мне что-то хорошее впереди. Кончатся бурный, мятежный год и Италия; грядущее неопределенно, но я совершенно

свободен по отношению к прошлому и к себе самому. Вот моя бедность и мое единственное богатство. Я как бы начинаю все сначала – не более и не менее. Но с сознанием собственных сил, с презрением к собственному тщеславию, с ясным, хоть и возбужденным умом, который торопит меня навстречу судьбе.

15 сентября 1937 г.

Тетрадь № II. Сентябрь 1937 года – апрель 1939 года

22 сентября

«Счастливая смерть»

– Видите ли, Клер, это довольно трудно объяснить. Важно одно: знать, чего ты стоишь. Но для этого надо выбросить из головы Сократа. Чтобы узнать себя, надо действовать, хотя это вовсе не значит, что человек сможет понять себя до конца. Культ «я»! Не смешите меня. Какое «я» и какая личность? Когда я смотрю на свою жизнь и ее сокровенный лик, существо мое сотрясается от рыданий. Я – и эти губы, которые я целовал, и эти ночи в «доме перед лицом Мира», я – этот бедный ребенок и эта безумная жажда жизни и власти, которая охватывает меня в иные моменты. Многие из тех, кто меня знает, порой не узнают меня. А я чувствую себя во всем похожим на этот бесчеловечный мир, сколком которого является моя собственная жизнь.

– Да, – говорит Клер, – вы играете в двух планах одновременно.

– Вероятно. Но когда мне было двадцать лет, я, как все, читал о том, что жизнь может обернуться комедией и т. д. Но я не об этом. Несколько жизней, несколько планов – да, конечно. Но когда актер на сцене, он принимает условия игры. Нет, Клер, мы прекрасно знаем, что это всерьез, – что-то подсказывает нам это.

– Почему? – спрашивает Клер.

– Потому что, если бы актер играл, не зная, что он играет пьесу, его слезы были бы настоящими слезами, а жизнь – настоящей жизнью. И всякий раз, когда я думаю о том, какой путь проходят во мне боль и радость, я понимаю, и еще как понимаю, что моя роль самая серьезная и волнующая.

А я хочу быть этим превосходным актером. Я отказываюсь от своей индивидуальности и не желаю ее развивать. Я хочу быть тем, что делает из меня моя жизнь, а не превращать эту жизнь в эксперимент. Я сам – эксперимент, а жизнь лепит и ведет меня. Я знаю, до какой идеальной безликости я дошел бы, как силен был бы мой порыв к деятельному небытию, если бы у меня достало силы и терпения. Что меня всегда останавливало, так это мое тщеславие. Сегодня я понимаю, что действовать, любить, страдать – это и значит жить настоящей жизнью, но жить в той мере, в какой это означает абсолютную чистоту и приятие своей судьбы как единственного отражения радуги радостей и страстей.

Путь и т. д. ...

Но для этого нужно время: оно у меня теперь есть.

Клер долго молчала, затем взглянула Патрису в лицо и медленно произнесла:

– Много горестей ждет тех, кто вас любит.

В глазах Патриса промелькнуло отчаяние, он встал и отрезал:

– Я ничем не обязан тем, кто любит меня.

– Вы правы, – сказала Клер. – И тем не менее это факт. (Однажды вы останетесь один.)

* * *

23 сентября. К<сьеркегор> в ФП (Философских пустыжах).

«Язык, подчеркивающий в слове «страсть» его родство со страданием, прав, хотя в повседневном употреблении, говоря «страсть», мы подразумеваем скорее судорожный порыв, удивляющий нас, и забываем, что речь идет о душевном страдании (гордыня – вызов)».

Там же. Превосходный актер (в жизни) есть тот, кто «претерпевает действие» – и сознает это – пассивная страсть.

* * *

«Он проснулся в поту, ничего не соображая, вскочил и побродил по квартире. Потом зажег сигарету и стал тупо разглядывать складки на своих помятых брюках. Во рту скопилась горечь сна и сигареты. Вокруг него хлюпал мягкий и влажный, словно болотная тина, день».

* * *

Рамакришна по поводу торгашей:
«Истинный мудрец не брезгает ничем».
Не путать слабоумие и святость.

* * *

23 сентября
Уединение, роскошь богачей.

* * *

26 сентября
1) Поместить перед романом отрывки из дневника (конец).
2) Сохранять трезвость ума даже в исступлении.
Подробное описание: Исчезновение друзей.
Трамваи (в конце рабочего дня?).
Идеи – лейтмотив.

Он все больше и больше погружался в молчание, замыкался в себе...

...Дошел до точки, где ясность ума может помрачиться. Гигантское усилие: возвращается к жизни – капли пота – думает о раздвинутых ногах женщины – идет к балкону и извергает семя в мир плоти и огня. «Это полезно для здоровья».

Затем принимает душ и делает упражнения с эспандером.

* * *

(«Теолого-политический трактат».)

* * *

У Жоржа Сореля. Это следовало бы посвятить «левым гуманистам», которые выдают нам Гельвеция, Дидро и Гольбаха за вершину французской литературы.

Идея прогресса, которая отравляет рабочие движения, – идея буржуазная, ведущая свое начало от XVIII века. «Мы должны всеми силами стараться помешать буржуазным идеям отравлять сознание становящегося класса: поэтому надо любой ценой разорвать всякую связь между народом и литературой XVIII века» («Иллюзия прогресса», с. 285 и 286).

* * *

30 сентября

Рано или поздно мне всегда удастся изучить человека досконально. Надо только не жалеть времени. Всегда наступает момент, когда я чувствую разлад. Любопытно, что это происходит в ту минуту, когда мое внимание что-то отвлекает и мне становится «неинтересно».

* * *

Диалог.

– А чем вы занимаетесь в жизни?

– Я считаю, месье.

– Что?

– Я считаю. Я говорю: один, море, два, небо (ах, какая красота!), три, женщины, четыре, цветы (ах, какая прелесть!).

– Получается довольно глупо.

– Боже мой, ваше мнение совпадает с мнением вашей утренней газеты. А мое мнение совпадает с мнением мира. Вы думаете, как «Эко де Пари», а я думаю, как мир. Когда он залит светом, когда припекает солнце, меня охватывает желание любить и обнимать, сливаться с телами и светом, принимать плотские и солнечные ванны. Когда мир хмур, я полон меланхолии и нежности. Я чувствую, что становлюсь лучше, что могу влюбиться всей душой и даже жениться. Впрочем, ни то ни другое не имеет значения.

После его ухода:

1) – Это дурак.

2) – Человек с претензиями.

3) – Циник.

– Нет, – говорит учительница, – он балованный ребенок; это же сразу видно. Маленький сыночек, который не знает жизни.

(Поскольку все больше и больше утверждается мнение, что считать жизнь легкой и прекрасной может лишь тот, кто ее не знает.)

* * *

30 сентября

Люди хотят поскорее прославиться и потому не желают переписывать.

Достоинно презрения. Начать сначала.

* * *

2 октября

«Он шел не останавливаясь по грязным улицам; моросил дождь. В нескольких шагах уже ничего не было видно. Но он продолжал идти в полном одиночестве по этому городку, такому далекому от всего. От всего и от него самого. Нет, это было невыносимо. Плакать перед собакой, на виду у всех. Он имел право на счастье. Он не заслужил этого».

* * *

4 октября

«До последних дней я жил с убеждением, что надо что-то делать в жизни, в частности – что бедняку надо зарабатывать на жизнь, приобрести положение, устроиться. Должно быть, мысль эта, которую я пока еще не решаюсь назвать предрассудком, крепко укоренилась во мне, она не оставляла меня, сколько бы я ни иронизировал и ни принимал окончательные решения. Так вот, как только я получил назначение в Бель-Аббес, все вдруг нахлынуло снова – так значителен был этот шаг. Я отказался от назначения – вероятно, благополучие не имело для меня цены в сравнении с надеждами на подлинную жизнь. Я отступил перед унылым оцепенением такого существования. Если бы я переждал несколько дней, я бы, конечно, согласился. Но тут-то и крылась опасность. Я испугался одиночества и определенности. Я по сей день не знаю, сила или слабость двигала мной, когда я отверг эту жизнь, закрыл себе путь к тому, что называют «будущим», обрек себя на безвестность и бедность. Но я по крайней мере знаю, что если я веду борьбу, то за дело, которое того стоит. Хотя, если как следует посмотреть... Нет! Вероятно, я бежал не просто от определенности, но от определенности уродливой.

А вообще-то способен ли я быть, как говорят люди, «серьезным»? Может, я лентяй? Не думаю, и я это себе доказал. Но имеет ли человек право отказываться от работы под тем предлогом, что она ему не нравится? Я полагаю, что праздность разлагает только тех, кому не хватает темперамента. И если бы мне его не хватало, у меня оставался бы только один выход».

* * *

10 октября

Иметь значение или не иметь. Созидать или не созидать.

В первом случае все оправданно. Все, без исключения. Во втором случае – полный Абсурд. Остается выбрать наиболее эстетичное самоубийство: женитьба + покаянные молитвы или револьвер.

* * *

По дороге к кварталу Мадлен – снова эта жажда все отринуть перед лицом природы – такой прекрасной.

* * *

15 октября

Жироду (в кои-то веки): «Невинность существа есть полная приспособленность к миру, в котором он живет».

Напр.: невинность волка.

Невинен тот, кто ничего не стремится доказать.

* * *

17 октября

На дорогах, поднимающихся от города Блида, ночь разливает молоко и покой, даруя благодать и сосредоточенность. Утро на горе с ее коротко остриженной шевелюрой, взъерошенной

безвременниками, – сверкающие источники – тень и солнце – мое тело, сначала всеприемлющее, затем отвергающее. Сосредоточенное усилие при ходьбе, воздух режет легкие, как раскаленный железный прут или острая бритва, – упорные попытки превзойти себя и одолеть склон – или познать себя, познав свое тело. Тело, истинный путь культуры, показывает нам предел наших возможностей.

* * *

Деревушки жмутся к возвышенностям и живут каждая своей жизнью. Мужчины в длинных белых одеждах – их простые и точные движения вырисовываются на фоне вечно голубого неба. Дорожки обсажены фиговыми деревьями, оливами, цератониями и ююбами. По пути нам встречаются ослы, груженые маслинами. У погонщиков лица смуглые, а глаза светлые. И между человеком и деревом, между жестом и горой рождается своего рода согласие, трогательное и радостное разом. Греция? Нет, Кабилия. Кажется, будто вся Эллада перенеслась сюда через века и возродилась в своем античном великолепии между морем и горами, и лишь лень да почтение к судьбе выдают в этом краю соседство с Востоком.

* * *

18 октября

В сентябре над всем Алжиром плывет запах любви, источаемый цератониями, – кажется, будто вся земля отдыхает после совокупления с солнцем и лоно ее увлажнено семенем, благоухающим миндалем.

На этой дороге, ведущей в Сиди-Брахим, после дождя от цератоний исходит запах любви, тяжелый и гнетущий, давящий всем своим водяным грузом. Потом, когда солнце откачивает воду, краски снова расцветают и запах любви становится легким, едва уловимым ноздрями. Кажется, будто, проведя целый день в духоте, вы выходите на улицу вместе с любовницей и она смотрит на вас, прижимаясь к вам плечом, среди огней и толпы.

* * *

Хаксли: «В конечном счете достойнее быть хорошим буржуа, не лучше и не хуже других, чем плохим художником, или псевдоаристократом, или второсортным интеллектуалом...»

* * *

20 октября

Потребность в счастье и его терпеливый поиск. Нет нужды изгонять меланхолию, но есть необходимость изжить в себе пристрастие к трудному и роковому. Радоваться общению с друзьями, пребывать в согласии с миром и добиваться счастья, следуя путем, который, впрочем, ведет к смерти.

«Вы будете в страхе ожидать смерти».

«Да, но я неукоснительно выполню свою миссию, а моя миссия – жить». Не соглашаться с условностями, не соглашаться на сидение в конторе. Никогда не сдаваться – всегда требовать большего. И сохранять ясный ум, даже просиживая долгие часы в конторе. Стремиться к нагоде, к которой мир возвращает нас, как только мы оказываемся с ним наедине. Но прежде всего не стараться казаться, а только – быть.

* * *

21 октября

Тому, кто путешествует очень скромно, нужно гораздо больше энергии, чем тому, кто строит из себя торопливого путешественника. Плыть на палубе, прибывать к месту назначения усталым и опустошенным, долго ехать третьим классом, зачастую есть всего один раз в день, считать каждый грош и каждую минуту бояться, что какой-нибудь несчастный случай вдруг задержит вас в пути, и без того тяжело, – все это требует мужества и воли, поэтому невозможно принимать всерьез проповеди о «перемене мест». Путешествовать – занятие не из веселых и не из легких. И надо не бояться трудностей и любить неизвестность, чтобы осуществить свою мечту о путешествии, когда ты беден и не имеешь денег. Но если посмотреть как следует, безденежье предостерегает от дилетантства. Конечно, я не стану утверждать, что Жид и Монтерлан много потеряли оттого, что не ездили по железной дороге со скидкой и не застревали в каждом городе на неделю в ожидании билета. Но я хорошо знаю, что в глубинном смысле не могу смотреть на вещи, как Монтерлан или Жид, – ибо езу по железной дороге со скидкой.

* * *

25 октября

Что невыносимо и постыдно, так это суесловие.

* * *

5 ноября

Кладбище в Эль-Кеттар. Хмурое небо и бурное море у подножия холмов, усеянных белыми могилами. Мокрые деревья и земля. Голуби меж белых плит. Одинокий розово-красный куст герани и безмерная, безнадежная и немая печаль, которая роднит нас с прекрасным чистым ликом смерти.

* * *

6 ноября

Дорога к кварталу Мадлен. Деревья, кусочек земли и небо. Ах! Как далеко до этой первой звезды, которая ожидала нас на обратном пути, но какое тайное согласие царит между нею и моими движениями.

* * *

7 ноября

Персонаж, А.М. калека – ампутированы обе ноги – одна сторона парализована.

«Мне помогают справлять мои естественные потребности. Меня умывают. Меня вытирают. Я почти ничего не слышу. Но при этом я никогда не сделаю ни единого движения, чтобы сократить жизнь, в которую я так верю. Я согласился бы и на худшее. Быть слепым и лишенным всякой чувствительности, быть немым и не иметь контактов с внешним миром – только ради того, чтобы чувствовать в себе этот мрачный сжигающий меня огонь, ибо он и есть я, я живой – благодарный жизни за то, что она позволила мне гореть».

* * *

8 ноября

В ближайшем кинотеатре продают мятные конфеты с надписями: «Вы на мне жени-тесь?», «Вы меня любите?». И там же ответы: «Сегодня вечером», «Очень» и т. д. Их передают соседке, и она отвечает тем же манером. Совместная жизнь начинается с обмена конфетами.

* * *

13 ноября

Квиклински: «Я всегда действовал под влиянием минуты. Теперь потихоньку переучива-юсь. Действовать так, чтобы быть счастливым? Если мне суждено где-то обосноваться, почему бы не сделать это в той стране, которая мне по душе? Но, предвосхищая свои чувства, мы всегда ошибаемся – всегда. Так что надо жить так, как легче. Не принуждать себя, даже если это кого-то шокирует. Это немного цинично, но так же рассуждает и самая красивая девушка в мире».

Все так, но я не уверен, что, предвосхищая свои чувства, мы обязательно ошибаемся. Мы просто поступаем неразумно. Во всяком случае, единственный эксперимент, который меня интересует, это тот, где абсолютно все ожидания оправдались бы. *Сделать что-либо, чтобы быть счастливым и действительно стать таковым.* Меня привлекает связь между миром и мной, двойное отражение, позволяющее моему сердцу вмещаться и даровать мне счастье, которое, однако, за определенной чертой полностью зависит от мира, властного либо довер-шить это счастье, либо его разрушить. *Aedificabo et destruo*⁷, сказал Монтерлан. Мне ближе другое: *Aedificabo et destruat*⁸. Цикл не исчерпывается мной одним. В цикле существует вза-имосвязь между мной и миром. Все дело в том, чтобы знать свое место.

* * *

16 ноября

Он говорит: «В жизни должна быть любовь – одна великая любовь за всю жизнь, это оправдывает беспричинные приступы отчаяния, которым мы подвержены».

* * *

17 ноября

«Воля к счастью».

3-я часть. Достижение счастья.

Несколько лет. Смена времен года, и ничего больше.

1-я часть (конец). Калека говорит Мерсо: «Деньги. Пытаться убедить себя, что можно быть счастливым, не имея денег, – своего рода духовный снобизм».

По пути домой М. рассматривает события своей жизни в новом свете. Ответ: «Да».

Для человека «благороднорожденного» быть счастливым – значит разделять судьбу всего человечества не из стремления к самоотречению, но из стремления к счастью. Чтобы быть счастливым, нужно время, много времени. Ведь счастье – это тоже терпение. А нужда в деньгах

⁷ Я построю и разрушу (лат.).

⁸ Я построю, и он разрушит (лат.).

крадет у нас время. Время покупается. Все покупается. Быть богатым – значит иметь время быть счастливым, если вы того достойны.

* * *

22 ноября

Совершенно естественно пожертвовать небольшой частью своей жизни, чтобы не потерять ее целиком. Шесть или восемь часов в день, чтобы не подохнуть с голоду. Да и вообще, все идет на пользу тому, кто этой пользы ищет.

* * *

Декабрь

Густой, как масло, дождь на стеклах, глухой стук лошадиных копыт и глухой шум затяжного ливня – все принимало облик прошлого, и мрачная печаль проникала в сердце Мерсо, как вода проникала в его башмаки, а холод – в колени, плохо защищенные тонкой тканью. Из самых недр неба одна за другой набегали черные тучи, быстро уплывая и уступая место новым. Эта невесомая вода, которая лилась вниз, не похожая ни на туман, ни на дождь, легким прикосновением освежала лицо М. и промывала его глаза, обведенные большими кругами. Складка на его брюках исчезла, а с нею теплота и доверие, с которым нормальный человек смотрит на мир, созданный для него.

(В Зальцбурге.)

* * *

Иронизирует над Мартой – расстается с ней.

* * *

Человек, который подавал большие надежды, а теперь работает в конторе. Больше он ничего не делает, вернувшись домой, ложится и покуривает в ожидании ужина, затем снова ложится и спит до следующего дня. По воскресеньям он встает очень поздно и садится у окна, глядя на дождь или на солнце, на прохожих или на тишину. И так весь год. Он ждет. Ждет смерти. Что толку в надеждах, если все равно...

* * *

Политика страны и судьбы людей находятся в руках личностей, лишенных идеала и благородства. Те, в ком есть благородство, политикой не занимаются. И так во всем. Но теперь необходимо воспитать в себе нового человека. Необходимо, чтобы люди действия имели идеалы, а поэты были промышленниками. Необходимо воплощать мечты в жизнь – приводить их в действие. Прежде от них отрекались или в них погружались. Не надо ни погружаться, ни отрекаться.

* * *

У нас не хватает времени быть самими собой. У нас хватает времени только на то, чтобы быть счастливыми.

* * *

Освальд Шпенглер («Закат Европы»):

I. Форма и реальность:

«Понимать мир значит для меня быть его достойным».

«Тот, кто дает определения, не ведает судьбы».

«Помимо причинной необходимости – которую я буду называть логикой пространства – в жизни существует также органическая необходимость судьбы – логика времени...»

Отсутствие исторического чувства у греков. «История от древности до персидских войн есть продукт мысли, по сути своей мифической».

Изначально египетская колонна была каменной, дорическая колонна – деревянной. Таким образом аттическая душа выражала свою глубинную неприязнь к долговечности. «Египетская культура – воплощение заботы о будущем». Греки, счастливый народ, не имеют истории.

Миф и его антипсихологическое значение. Духовная история Запада, напротив, начинается с самоанализа внутренней жизни – это западная *Vita nuova*⁹. (Ср. наоборот: фрагменты мифов о Геракле; таковые же от Гомера до трагедий Сенеки. Тысячелетие. То есть древнее – нынешнее.)

Напр.: «Немцы изобрели механические часы, грозный символ быстротекущего времени, и бой их, денно и ночью раздававшийся с бесчисленных башен Западной Европы, является, быть может, самым грандиозным выражением исторического чувства во всем мироздании».

«Мы, люди западноевропейской культуры, наделенные историческим чувством, являем собой не правило, а исключение».

Бессмысленность схемы: Античность – Средние века – Новое время.

«Что означает тип сверхчеловека для мусульманского мира?»

«Удел культуры – цивилизация. На смену эллину приходит римлянин. Греческая *душа* и римский *ум*. Переход от культуры к цивилизации совершился в древности в IV веке, на Западе в XIX веке.

Наша литература и наша музыка – цивилизация для горожан.

А единственным предметом всякой философии становится у нас История философии.

Главный вопрос:

противопоставление истории и природы

Математика История.

и картины (обдумать дополнительно).

* * *

Декабрь

Его волновала ее манера цепляться за его одежду, идти рядом, сжимая его руку, ее неприужденность и доверчивость – все это трогало его и возбуждало. А еще ее молчание, благодаря

⁹ Новая жизнь (*лат.*).

которому она вкладывала всю себя в каждое свое движение, и в этом, а равно и в серьезности, которой были исполнены ее поцелуи, чудилось что-то кошачье.

Ночью он почувствовал под пальцами выдающиеся скулы, холодные, как лед, и мягкие, дышащие теплом губы. И глубины его существа потряс вопль, отрешенный и страстный. Перед лицом ночи, усеянной звездами, и города, полного рукотворных огней и похожего на опрокинутое небо, под горячим и глубоким дыханием порта, которому он подставлял лицо, им овладело влечение к этому теплему источнику, неистовое желание прильнуть к этим живым губам, чтобы постичь весь смысл мира, жестокого и сонного, как немота, сковавшая ее уста. Он наклонился, и ему почудилось, будто он приник губами к птице. Марта застонала. Он впился в ее губы и несколько минут не отрываясь вдыхал эту теплоту, пьянившую его так, словно он сжимал в объятиях весь мир. А она при этом цеплялась за него, как утопающая, и, вынырнув на мгновение из своей бездонной пропасти и оттолкнув его губы, затем ловила их вновь и вновь, погружалась в черные ледяные воды, которые обжигали ее, как сонм богов.

* * *

Декабрь

Тому, кто создан для игры, всегда хорошо в женском обществе. Женщины – благодарная публика.

* * *

Вещи утомительные всегда утомляют поначалу. Дальше смерть. «Такая жизнь не для меня», но, живя этой жизнью, мы в конце концов смиряемся с нею.

* * *

Роман. I ч. Карточная партия («марьяж»). Разговоры.

«Мы, зуавы...»

«С моим мужем...»

Черномазый: «Ты мне противен. Ты мне противен. Счас узнаешь, почему. Потому что ты зануда. А я не люблю зануд. *Ты не умеешь жить*».

(Парк Сен-Рафаэль.)

Роман. Заглавия: Чистое сердце.

Счастливы на земле.

Золотой луч.

* * *

– Много ли вы знаете «любящих» мужчин, которые отказались бы от красивой и доступной женщины? А если кто и откажется, значит, ему недостает темперамента.

– Вы называете темпераментом отсутствие всякого серьезного чувства?

– Именно. (Во всяком случае, в том смысле, какой вы вкладываете в слово «серьезный».)

* * *

Роман. I ч.

Жилище Загрея в пригороде. Убийство. В комнате жарко натоплено. У Мерсо горят уши, он задыхается. Выйдя на улицу, он простужается (отсюда болезнь, которая его подкосит).

Гл. IV: разговор с З. начинается с «общих соображений».

– Да, – говорит З., – но вы не можете этим заниматься, работая.

– Нет, потому что все во мне восстает, и это плохо.

... – В сущности, – говорит М., – я человек взбалмошный и потому опасный.

* * *

Роман. IV ч. Пассивная женщина.

«Неправда, – говорит М., – что надо выбирать, что надо делать то, что хочешь, что существуют условия счастья. Счастье либо есть, либо нет. Важна воля к счастью. Своего рода глубокое убеждение, никогда не покидающее нас. Все остальное: женщины, искусство, успехи в обществе – не более чем повод. Канва, по которой нам предстоит вышивать».

* * *

Роман. III ч.

Через некоторое время Мерсо объявил о своем отъезде. Он собирался сначала попутешествовать, а затем обосноваться в окрестностях Алжира. Через месяц он вернулся, убедившись, что путешествия для него заказаны. Путешествие казалось ему тем, чем оно, в сущности, и является: беспокойным счастьем. М. стремился к другому, он искал осознанного блаженства. Вдобавок он чувствовал себя больным и знал, чего он хочет. Он готовился вторично покинуть Дом у моря.

* * *

Февраль 1938 г.

Здесь люди чувствуют судьбу. Это их и отличает.

Страдание оттого, что не все общее, и несчастье оттого, что все общее.

* * *

Февраль 1938 г.

Весь революционный дух заключается в протесте человека против условий человеческого существования. В этом смысле он является в той или иной форме единственной вечной темой искусства и религии. Революция всегда направлена против Богов – начиная с революции Прометея. Это протест человека против судьбы, а буржуазные паяцы и тираны – не более чем предлог.

И вероятно, можно уловить революционный дух в его историческом проявлении. Но тогда требуется вся эмоциональность Мальро, чтобы избежать соблазна приводить доказательства. Проще отыскать этот дух в его сути и судьбе. Поэтому произведение искусства, которое изображало бы завоевание счастья, было бы произведением революционным.

* * *

Открыть чрезмерность в умеренности.

* * *

Апрель 1938 г.

Сколько гнусности и ничтожества в существовании работающего человека и в цивилизации, базирующейся на людях работающих.

Но тут все дело в том, чтобы устоять и не сдаваться. Естественная реакция – в нерабочее время всегда разбрасываться, искать легкого успеха, публику, предлог для малодушия и паясничанья (по большей части люди для того и живут вместе). Другая неизбежная реакция заключается в том, чтобы разглагольствовать. Впрочем, одно не исключает другого, особенно если учесть плотскую распущенность, отсутствие физической культуры и слабоволие.

Все дело в том, чтобы молчать – упразднить публику и научиться судить себя. Сочетать в равной мере заботу о своем теле с заботой об осознанном существовании. Отбросить всякие претензии и отдаться двойной работе по освобождению от власти денег и от собственного тщеславия и малодушия. Жить упорядоченно. Не жалко потратить два года на размышления над одним-единственным вопросом. Надо покончить со всеми прежними занятиями и постараться ничего не забыть, а потом приняться терпеливо запоминать.

Поступив так, вы имеете один шанс из десяти избежать самого гнусного и ничтожного из существований – существования человека работающего.

* * *

Апрель

Отправить два эссе. «Калигула». Ни малейшей значительности. Недостаточно зрело. Издать в Алжире.

Продолжить занятия: философия и культура. Ради этого все бросить: диссертация.

Или биология + экзамен на право преподавания в институте, или Индокитай.

Каждый день делать записи в этой тетради: через два года написать *книгу*.

* * *

Апрель 1938 г.

Мелвилл ищет приключений и кончает жизнь конторским служащим. Он умирает в бедности и безвестности. Если человек живет одиноко и обособленно (это не одно и то же), даже завистники и клеветники в конце концов унимаются и оставляют его в покое. Но надо ежесекундно пресекать зависть и клевету в себе.

* * *

Май

Ницше. Осуждение Реформации, освобождающей христианство от принципов жизни и любви, которые прививал ему Цезарь Борджиа. Борджиа, ставший папой, оправдал наконец христианство.

* * *

В любой идее меня привлекает прежде всего ее острота и оригинальность – новизна и внешний блеск. Надо честно признаться.

* * *

С. строит из себя оболъстителя, он раздает направо и налево обещания, которые никогда не держит. Он испытывает потребность покорять, завоевывать любовь и дружбу, сам не будучи способен ни на то ни на другое. Прекрасный персонаж для романа и безотрадный пример друга.

* * *

Сцена: муж, жена и зрители.

Муж не лишен достоинств и любит блеснуть в обществе. Жена молчит, но короткими сухими репликами разрушает все потуги обожаемого супруга. Таким образом она постоянно выказывает свое превосходство. Он сдерживает себя, но страдает от унижения – так рождается ненависть.

Напр.: С улыбкой: «Не выставляйте себя большим глупцом, чем вы есть, друг мой».

Зрители мнутя и смущенно улыбаются. Муж краснеет, подходит к жене, с улыбкой целует ей руку: «Вы правы, дорогая».

Приличия соблюдены, а ненависть растет.

* * *

Я до сих пор не могу забыть приступ отчаяния, который охватил меня, когда мать объявила мне, что «я уже вырос и буду теперь получать к Новому году полезные подарки». Меня до сих пор коробит, когда мне дарят подарки такого рода. Конечно, я прекрасно знал, что ее устами говорит любовь, но почему любовь избирает порой столь жалкий язык?

* * *

Об одной и той же вещи утром мы думаем одно, вечером – другое. Но где истина – в ночных думах или в дневных размышлениях? Два ответа, два типа людей.

* * *

Май

В богадельне умирает старая женщина. Подруга ее, с которой она познакомилась три года назад, плачет, «потому что у нее никого не осталось». Сторож маленького морга – парижанин, живет здесь вместе с женой. «Кто бы мог подумать, что в семьдесят четыре года придется доживать свой век в богадельне в Маренго!» Сын его – человек с положением. Старики приехали из Парижа. Невестка их невзлюбила. Скандалы. Старик не выдержал и «поднял на нее руку». Вот сын и отправил их в богадельню. Могильщик дружил с покойной. По вечерам они иногда ходили в деревню. Маленький старичок обязательно хотел проводить гроб в церковь и на кладбище (два километра). Он калека, ему трудно поспеть за катафалком, и он идет метрах в двадцати позади всех. Но он знает местность и идет самым коротким путем, поэтому два или три раза он нагоняет процессию и идет вместе со всеми, покуда снова не отстанет.

У сиделки-мавританки, которая заколачивает гроб, язва на носу, поэтому она никогда не снимает повязки.

Друзья покойной: маленькие старички-мифотворцы. Как славно жилось в доброе старое время! Старичок – старушке: «Ваша дочь вам не писала?» – «Нет». – «Могла бы вспомнить, что у нее есть мать».

Смерть одного обитателя богадельни – сигнал и предупреждение для всех остальных.

* * *

Июнь

Для «Счастливой смерти»: несколько прощальных писем. Старая песня: хочу порвать, потому что слишком сильно тебя люблю.

И последнее письмо: шедевр трезвости. Но и тут не обошлось без притворства.

* * *

Конец. Мерсо пьет.

«Ну! – говорит Селест, вытирая стойку. – Ты стареешь, Мерсо».

Мерсо вздрогнул и поставил стакан. Он поглядел на себя в зеркало позади стойки. Так и есть.

* * *

Лето в Алжире.

По чью душу эта стая черных птиц в зеленом небе? Постепенно наступает слепое и глухое лето и проясняет, что стоит за призывами стрижей и криками разносчиков газет.

* * *

Июнь

На лето:

- 1) Закончить Флоренцию и Алжир.
- 2) Калигула.
- 3) Летний экспромт.
- 4) Эссе о театре.
- 5) Эссе о покаянных молитвах.
- 6) Переписать Роман.
- 7) Абсурд.

* * *

Для летнего экспромта:

– Зритель!

– Ну!

– Зритель!

– Ну!

– Ты редкость, зритель.

– Как редкость? (Оборачивается.)

– Конечно, редкость! Таких, как ты, немного. Такие, как ты, наперечет.

– Уж какой есть.

– Конечно. Ты нам подходишь.

* * *

Роман.

– Что греха таить, есть у меня серьезные недостатки, – говорит Бернар. – Например, я лжец.

– ?

– О! Я это прекрасно знаю. Одни недостатки люди тщательно скрывают. Другие с легкостью за собой признают. Разумеется, с притворным смирением! «Да, я вспыльчив, да, я люблю поесть». В каком-то смысле это им льстит. Но лживость, тщеславие, зависть – в этом не признаются. Этим грешит кто угодно, только не мы. К тому же признание в своей вспыльчивости помогает избежать разговора обо всем прочем. Вы ведь не станете искать в человеке, который сам повинился в своих грехах, еще каких-то недостатков?

У меня нет заслуг. Я принимаю себя таким как есть. Поэтому все так просто.

* * *

Калигула: «Вы никак не поймете, что я человек простой».

* * *

Эссе о покаянных молитвах.

У нас в семье: работа по десять часов в день. Сон. Воскресенье – понедельник. – Безработица: человек плачет. Вся беда человека в том, что ему приходится плакать и молить о том, что его унижает (помощь).

* * *

Нынче много говорят о достоинствах труда, о его необходимости. Г-н Жинью, в частности, имеет весьма определенное мнение на этот счет.

Но это обман. Достойным может быть только добровольный труд. Одна праздность имеет нравственную ценность, ибо она позволяет судить о людях. Она пагубна лишь для посредственностей. В этом ее урок и ее величие. Труд, наоборот, одинаково губителен для всех. Он не развивает способность суждения. Он пускает в ход метафизику унижения. Лучшие люди не способны нести бремя этого рабского труда, навязываемого им обществом благонамеренных людей.

Я предлагаю перевернуть классическую формулу и сделать труд плодом праздности. Достойный труд заключается в игре в «бочонок» по выходным. Здесь труд смыкается с игрой, а игра, подчиненная технике, поднимается до произведения искусства и творчества в самом широком смысле слова...

Одних это приводит в восторг, других – в негодование.

Что ж такого! Мои работники зарабатывают по сорок франков в день...

* * *

В конце месяца мать с ободряющей улыбкой говорит: «Сегодня вечером будем пить кофе с молоком. День на день не приходится...»

Но по крайней мере они смогут там заниматься любовью...

* * *

Единственное возможное в наше время братство, единственное, какое нам предлагают и позволяют, – это гнусное и сомнительное солдатское братство перед лицом смерти.

* * *

Июнь

В кино молоденькая жительница Орана плачет горючими слезами, глядя на несчастья героя. Муж умоляет ее перестать. Она говорит сквозь слезы: «Дай же мне, в конце концов, всласть поплакать».

* * *

«Счастливая смерть»:

В поезде Загрей сидит напротив него. Только вместо черного шейного платка, который он обычно носил, на нем очень светлый летний галстук. (После убийства возвращается в свою квартиру. Ничего в ней не меняет. Только вешает новое зеркало.)

* * *

Искушение, одолевающее все умы: цинизм.

* * *

Ничтожество и величие этого мира: в нем совсем нет истин, только любовь.
Царство Абсурда, спасение от которого – в любви.

* * *

Романы-фельетоны не грешат против психологии. Но психология здесь великодушна. Она не считается с деталями. Она строится на доверии. И тем самым грешит против истины.

* * *

Старая женщина в ответ на новогодние пожелания: мне много не надо: работы да здоровья.

* * *

Удивительно, как тщеславен человек, который хочет внушить себе и другим, что он стремится к истине, меж тем как он жаждет любви.

* * *

Нелегко прийти к заключению, что можно быть выше многих, не будучи при этом существом высшим. И что истинное превосходство...

* * *

Август

Комната окнами во двор – из нее дверь в другую комнату, в которой нет окна, но, в свою очередь, есть дверь в третью, где окна также нет. В этой последней комнате три матраса. Три спящих человека. Но, поскольку ширина комнаты меньше длины матраса, концы матрасов загнуты кверху и, люди спят, согнувшись в три погибели.

* * *

Два слепца выходят на улицу между часом и четырьмя ночи. Потому что они уверены, что никого не встретят на улицах. Если они наткнутся на фонарь, они смогут всласть посмеяться. А днем чужая жалость мешает им веселиться.

«Писать, – говорит один из слепцов. – Но это никого не трогает. Трогает в книге только отпечаток волнующей жизни. А с нами ничего волнующего не случается».

* * *

Пишущему лучше недоговорить, чем сказать лишнее. Во всяком случае, никакой болтовни.

«Реальное» переживание одиночества более чем далеко от литературы – оно совершенно не похоже на то, которое описывают в книгах.

Ср. унижительность любых страданий. Не дать себе докатиться до полной опустошенности. Пытаться преодолеть и «заполнить». Время – не терять его.

* * *

Единственная возможная свобода есть свобода по отношению к смерти. Истинно свободный человек – тот, кто, приемля смерть как таковую, приемлет при этом и ее последствия, то есть переоценку всех традиционных жизненных ценностей. «Все дозволено» Ивана Карамазова – единственное последовательное выражение свободы. Но надо постичь суть этой формулы.

* * *

21 августа 1938 г.

«Только тот, кто познал «настоящее», понимает, что такое ад» (Якоб Вассерман).

* * *

Закон Ману:

«Уста женщины, грудь юной девы, молитва ребенка, жертвенный огонь всегда чисты».

* * *

Об осознании смерти, ср. Ницше. «Сумерки кумиров», с. 203.

Ницше: «Самые мучительные трагедии суждено пережить существам самым одухотворенным, при условии, что они обладают самым большим мужеством. Но именно оттого, что жизнь обходится с ними самым жестоким образом, они питают к ней почтение» («Сумерки кумиров»).

* * *

Ницше: «Чего же мы желаем, если говорить о красоте? Быть красивым. Мы воображаем, что красота приносит много счастья, но это заблуждение» («Человеческое, слишком человеческое»).

* * *

Воздух населен жестокими и страшными птицами.

* * *

Чем больше счастья в жизни человека, тем трагичнее его свидетельские показания. Подлинно трагическим произведением искусства (если считать произведение искусства свидетельским показанием) окажется произведение человека счастливого. Потому что оно будет полностью сметено с лица земли смертью.

* * *

Метеорологический метод. Температура меняется каждую минуту. Это слишком зыбкие данные, чтобы вывести математическую формулу. Наблюдателю здесь доступен произвольный срез реальности. И только понятие среднего арифметического позволяет создать образ этой реальности.

* * *

Работы об этрусках:

А. Грень: Этрусские изыскания в «Ревю дез Этюд Ансьен», IX, 1935–219 и сл.

Б. Ногара: Этрусски и их цивилизация – Париж, 1936.

Фр. де Рюит: Харон, этрусский демон смерти. (Выходные данные?)

* * *

Белькур.

Молодая женщина охраняет послеобеденный сон мужа, не позволяя детям шуметь. Две комнаты. Она стелет на пол в столовой одеяло и бесшумно забавляет детей, чтобы дать мужчине поспать. Жарко, и она оставляет дверь на лестницу открытой. Временами ее одолевает

дремота, и, проходя мимо, можно увидеть, как она лежит, а вокруг тихо играют дети, поглядывая на ее легонько вздымающуюся грудь.

* * *

Белькур.

Уволен. Не решается ей сказать. Говорит.

– Ну что ж, будем по вечерам пить кофе. День на день не приходится.

Он смотрит на нее. Он часто читал истории о том, как женщина «мужественно переносит бедность». Она не улыбнулась. И снова ушла на кухню. Мужественно? Нет, смиренно.

* * *

Бывший боксер потерял сына. «Что мы значим на земле? А все суетимся, суетимся».

* * *

Белькур.

История Р. «Я знал одну даму... она была, так сказать, моя любовница... Я заметил, что дело тут нечисто: история с лотерейными билетами (Ты купила мне лотерейный билет?). История с костюмом и с сестрой. История с браслетами и «Уликой».

Трачу 1300 франков. А ей все мало. «Почему бы тебе не работать полдня? Ты бы избавила меня от всех этих мелочей. Я купил тебе костюм, я даю тебе по 20 франков в день, я плачу за комнату, а ты распиваешь кофе с подружками. Подаешь им и кофе и сахар. А деньги тебе даю я. Я тебе делал только добро, а ты мне платишь злом».

Просит совета. Он по-прежнему «не прочь спать с ней». Он хочет послать ей такое письмо, чтоб она «знала свое место» и чтоб она «пожалела о том, что было».

Напр.: «Ты думаешь только о своих забавах, и все дела». А дальше: «Я-то думал, что...» и т. д.

«Ты не видишь, что все завидуют твоему счастью».

«Я ее поколачивал, но, так сказать, легонько. Она кричала, я закрывал ставни».

То же самое и с подружкой.

Он хочет, чтобы она сдалась. Он трагичен в своем стремлении унижить обманщицу. Он поведет ее в гостиницу и вызовет «полицию нравов».

История с друзьями и пивом. «Вы говорите, что вы по этой части». «Они сказали, что, если я захочу, они ее запишут как проститутку».

История с пальто. История со спичками.

«Ты поймешь, как тебе было хорошо со мной».

Эта женщина – арабка.

* * *

Тема: мир смерти. Трагическое произведение – удавшееся произведение.

... – Но, судя по вашему тону, эта жизнь вам не по душе, Мерсо.

– Она мне не по душе, потому что скоро я лишусь ее – вернее, она мне слишком по душе, поэтому я чувствую весь ужас предстоящей утраты.

– Не понимаю.

– Не хотите понять.

– Быть может.

Патрису пора уходить.

– Но, Патрис, а как же любовь?

Он оборачивается, лицо его искажено отчаянием.

– Любовь существует, – говорит Патрис, – но ведь она принадлежит этому миру.

* * *

Богадельня для стариков (старик идет полем напрямик). Похороны. Солнце расплавляет гудрон на дороге – ноги вязнут и оставляют черные вмятины. Открывается сходство между этой черной грязью и клеенчатой шляпой кучера. И вся эта чернота, липкая чернота расплавленного гудрона, тусклая чернота одежды, блестящая чернота катафалка – солнце, запах кожи и лошадиного навоза, лака, ладана. Усталость. А тот идет напрямик через поля.

Он идет на похороны, потому что покойница была единственным близким ему человеком. В богадельне им говорили, как детям: «Жених и невеста». И он смеялся. Ему было приятно.

* * *

Персонажи.

А) Этьен, «физический» персонаж; его внимание к собственному телу:

1) арбуз

2) болезнь (колики)

3) естественные потребности – хорошо – тепло и т. д.

4) он смеется от радости, когда ест что-то вкусное.

Б) Мари К. Ее родственник, и их совместная жизнь, «он платит за жилье».

В) Мари Эс. Детство, роль в семье. Ее непорочность, о которой все толкуют. Святой Франциск Ассизский. Страдание и унижение.

Г) Госпожа Лека. Ср. выше.

Д) Марсель, шофер – и старуха из кафе.

* * *

Чувства, которые мы испытываем, не преображают нас, но подсказывают нам мысль о преображении. Так любовь не избавляет нас от эгоизма, но заставляет нас его осознать и напоминает нам о далекой родине, где этому эгоизму нет места.

* * *

Вернуться к работе над Плотиним.

Тема: ум у Плотина.

1) Ум – понятие неоднозначное.

Интересно рассмотреть его положение в истории в тот момент, когда ему предстоит либо приспособиться, либо погибнуть.

Ср. Диплом.

Это тот же самый ум, но и не совсем тот же.

Ибо есть два ума:

один этический, другой эстетический.

Тщательно изучить: плотинский образ как силлогизм этого эстетического ума.

Образ подобен притче: это попытка выразить непостижимость чувства в очевидной непостижимости конкретного.

Как во всех описательных науках (статистика, которая коллекционирует факты), главная проблема в метеорологии есть проблема практическая: проблема замены недостающих наблюдений. Поэтому при восполнении пробела всегда прибегают к понятию среднего арифметического, для чего необходимо обобщение и осмысление опыта, разумное содержание которого как раз и нуждается в выявлении.

* * *

Белькур. Торговец, спекулирующий сахаром, кончает с собой в туалете.

* * *

Немецкая семья в 14-м году. Четыре месяца передышки. Потом за отцом приходят. Концлагерь. Четыре года нет вестей. Жизнь в течение этих четырех лет. Он возвращается в 19-м году. У него туберкулез. Через несколько месяцев он умирает.

Дочки в школе.

* * *

Художник и произведение искусства. Подлинное произведение искусства сдержанно. Существует некоторое соотношение между опытом художника в целом, его мыслью + его жизнью (в каком-то смысле его системой – исключая все, что это слово подразумевает систематического) – и произведением, которое отражает этот опыт. Это соотношение неверно, когда в произведении искусства воплощается весь жизненный опыт автора в некотором литературном обрамлении. Это соотношение верно, когда произведение искусства есть часть, отсеченная от опыта, алмазная грань, вбирающая в себя весь внутренний блеск без остатка. В первом случае произведение громоздко и литературно. Во втором – жизнеспособно, ибо за ним угадывается богатейший опыт.

Проблема заключается в том, чтобы приобрести житейскую мудрость (вернее, жизненный опыт), которая глубже мудрости писательской. В конечном счете великий художник прежде всего тот, кто постиг великое искусство (при условии, что в понятие жизни входит и ее осмысление – и, более того, едва уловимое соотношение между опытом и его осознанием).

* * *

Чистая любовь – мертвая любовь, если понимать под любовью любовную жизнь, создание определенного жизненного уклада, – в такой жизни чистая любовь превращается в постоянную отсылку к чему-то иному, о чем и нужно условиться.

* * *

Мысль всегда впереди. Она видит слишком далеко, дальше, чем тело, не выходящее за рамки настоящего.

Лишить человека надежды – значит свести мысль к телу. А телу суждено сгнить.

* * *

Лежа, он смущенно улыбнулся, и глаза его сверкнули. Она почувствовала, как вся ее любовь подступила к горлу, а на глаза навернулись слезы. Она впиалась в его губы и омочила своими слезами его лицо. Ее слезы текли ему в рот, и он пил из этих соленых губ всю горечь их любви.

* * *

Черствое сердце творца.

* * *

«Если бы я хотя бы умела читать! Ведь вечерами, при свете я не могу вязать. Поэтому я лежу и жду. Долго, часа два лежу вот так. Ах! Была бы со мной внучка, я бы с ней разговаривала. Но я слишком стара. Может, от меня плохо пахнет. Внучка никогда ко мне не приходит. Вот так и живу совсем одна».

* * *

2-я ч.

Сегодня умерла мама. Или, может, вчера, не знаю. Получил телеграмму из дома признания: «Мать скончалась. Похороны завтра, искренне соболезнуем». Не поймешь. Возможно, вчера...

Как говорил привратник: «На равнине жарко. Стараются похоронить побыстрее. Особенно здесь». Он рассказал, что сам он родом из Парижа и с трудом привык. Потому что в Париже покойника хоронят через два, а то и через три дня. А здесь нет времени, не успеешь свыкнуться с мыслью, что человек умер, как уже надо поспешать за дрогами».

Вот процессия и торопилась что есть сил. Только солнце заходило со сволочной быстротой. Верно заметила сиделка, которую отрядили на похороны: «Медленно идти опасно, может случиться солнечный удар. А если заторопишься, бросает в пот, и тогда в церкви можно простыть». Она была права. Положение безвыходное.

Служащий похоронного бюро что-то мне сказал, но я не расслышал.

Одной рукой он приподнял шляпу, а другой вытирал лысину носовым платком. Я спросил его: «Что-что?» Он повторил, показывая на небо: «Ну и шпарит». – «Да», – сказал я. Немного погодя он спросил: «Вы покойнице кто – сын?» Я опять сказал: «Да». – «Старая она была?» – «В общем, да», – сказал я, потому что не знал точно, сколько ей было лет. Тогда он замолчал.

* * *

Декабрь 1938 г.

Для «Калигулы»: анахронизм – самое неудачное, что можно придумать для театра. Поэтому Калигула не произносит в пьесе ту единственную разумную фразу, какую мог бы произнести: «Стал мыслить лишь один – и мир весь опустел».

* * *

Калигула: «Мне нужно, чтобы все вокруг молчали. Мне нужно, чтобы замолчали люди и чтобы затихли ужасные сердечные смуты».

* * *

15 декабря

Каторга. Ср. репортаж.

* * *

На митинге. Старый железнодорожник, опрятный, гладко выбритый, с перекинутым через руку плащом, тщательно сложенным клетчатой подкладкой вверх, в начищенных башмаках, спрашивает, «не здесь ли состоится собрание», и говорит, как он волнуется, когда думает о судьбе рабочих.

* * *

В больнице. Больной туберкулезом; врач сказал, что через пять дней он умрет. Он решает выиграть время и перерезает себе горло бритвой. Он не может ждать пять дней, это очевидно.

«Не пишите об этом в ваших газетах, – говорит санитар журналисту. – Он и так настрадался».

* * *

Он любит *здесь, на земле*, а она любит его с уверенностью, что они соединятся в вечности. Их любовь нельзя мерить одной меркой.

* * *

Смерть и творчество. На пороге смерти он просит почитать ему вслух его последнее произведение. Это не совсем то, что он хотел сказать. Он просит сжечь его. И умирает без утешения – что-то оборвалось у него в груди, словно лопнула струна.

* * *

Воскресенье.

Ветер бушевал в горах и мешал нам идти вперед, не давал говорить, свистел в ушах. Весь лес снизу доверху извивается. От горы к горе над долинами летят красные листья папоротника. И эта прекрасная птица, рыжая, как апельсин.

* * *

История солдата Иностранного легиона, который убивает свою любовницу в служебной комнате. Потом берет тело за волосы и тащит его в зал, а оттуда на улицу, где его и арестовы-

вают. Хозяин кафе-ресторана взял его в долю, но запретил ему приводить любовницу. А она возьми да и приди. Он велел ей убираться. Она не захотела. Поэтому он ее убил.

* * *

Пара в поезде. Оба некрасивы. Она льнет к нему, хохочет, кокетничает, увлекает его. Он хмурится, он смущен: все видят, что его любит женщина, которой он стыдится.

* * *

Светское общество или два старых журналиста, которые бранятся в комиссариате, на радость полицейским. Старческая ярость двух мужчин, не имеющих сил для драки, выливается в сплошной поток ругани: «Дерьмо – Рогач – Мудак – Скотина – Сутенер».

- Я человек чистый!
- Ты себя со мной не равняй!
- Ни за что! Ведь ты последний мудак.
- Заткнись, не то я тебе так двину по роже – от тебя мокрое место останется!
- На такого силача, как ты, я кладу с прибором! Потому что я человек чистый.

* * *

Испания. Член партии. Хочет пойти добровольцем в армию. При опросе выясняется, что причина – семейные неприятности. *Его не берут.*

* * *

В жизни всякого человека мало великих чувств и много мелких. Если совершаешь выбор – две жизни и две литературы.

* * *

Но *на самом деле* это два чудовища.

* * *

Удовольствие, которое приносит общение мужчины с женщиной. То самое, мимолетное, которое испытываешь, когда даешь прикурить или просишь об этом, – сообщничество, масонское братство курильщиков.

* * *

П. заявляет, что может предложить «миниатюру с изображением беременной девы в рамке из ключиц тореадора».

* * *

Плакат на казарме: «Алкоголь усыпляет человека и будит зверя» – чтобы люди знали, почему они любят выпить.

* * *

«Земля была бы великолепной клеткой для животных, чуждых всего человеческого».

* * *

Среди самых чистых моих радостей многие связаны с Жанной. Она частенько говорила мне: «Глупыш». Это было ее выражение, она произносила его со смехом, но как раз в эти минуты она любила меня сильнее всего. Оба мы из бедных семей. Она жила через несколько улиц, в центре. Ни она, ни я никогда не покидали родного квартала, где прошла вся наша жизнь. И у нее и у меня дома было одинаково тоскливо и гадко. Наша встреча была попыткой от всего этого освободиться. Но когда теперь, через столько лет, я вспоминаю ее лицо усталого ребенка, я понимаю, что нам не удавалось освободиться от этого убогого существования и что наша любовь доставляла нам радость, какую не купишь ни за какие деньги, именно потому, что мы любили друг друга среди этого мрака.

Наверно, я очень страдал, когда она ушла. И все же я не устраивал сцен. Потому что никогда не чувствовал себя победителем. Мне и сейчас кажется более естественным сожалеть об упущенном. И хотя я не заблуждаюсь на собственный счет, я всегда считал, что Жанна больше принадлежит мне в такой день, как сегодня, чем когда она вставала на цыпочки, чтобы дотянуться до моей шеи и обвить ее руками. Я уже не помню, как я с ней познакомился. Но помню, что повадился ходить к ней. И что ее отец и мать посмеивались, глядя на нас. Ее отец был железнодорожником, в свободные часы он обычно сидел в уголке и задумчиво смотрел в окно, положив на колени свои огромные лапищи. Мать с утра до ночи хлопотала по хозяйству. Жанна ей помогала, но делала это так легко и весело, что, глядя на нее, я забывал, что она работает. Она была среднего роста, но рядом со мной казалась маленькой. Когда я видел, как она, такая тоненькая, такая легкая, переходит улицу перед грузовиками, сердце у меня сжималось. Теперь я понимаю, что ума у нее, конечно, было немного. Но в то время я не задавался подобными вопросами. Она умела так неподражаемо разыгрывать обиду, что восхищала меня до слез. А это неуловимое движение, каким она оборачивалась ко мне и бросалась в мои объятия, если я умолял ее простить меня, – даже теперь, через столько лет, оно не может оставить равнодушным мое сердце, ставшее бесчувственным к стольким вещам. Я уже не помню, желал ли я ее. Я помню, что все перемешалось. Помню, что все мои переживания разрешались нежностью. Если я и желал ее, то забыл об этом в первый же раз, когда в коридоре она подставила мне губы в благодарность за крошечную брошку, которую я ей подарил. Со своими зачесанными назад волосами, зубастым ртом неправильной формы и часто кривящимися губками, ясными глазами и прямым носиком, она предстала мне в этот вечер ребенком, которому я подарил жизнь для ласк этого мира. Я надолго сохранил это чувство; Жанна поддерживала его, неизменно называя меня «старшим другом».

У нас были свои радости. Когда мы решили пожениться, мне было двадцать два года, ей – восемнадцать. Больше всего радовала нас и настраивала на серьезный лад узаконенность нашей любви. Жанна пришла к нам в дом, мама поцеловала ее и назвала: «Моя девочка» – все это приводило нас в щенячий восторг, которого мы и не думали скрывать. Но воспоминание

о Жанне связано для меня с ощущением, которое я до сих пор не могу объяснить. Я каждый раз испытываю его, когда мне грустно и я иду по улице и вдруг встречаю трогательное женское личико, а потом вижу красиво украшенную витрину – тут у меня перед глазами встает лицо Жанны, живое, знакомое до боли, и она оборачивается ко мне со словами: «До чего ж красиво!» Это бывало в праздники. Магазины в нашем квартале ярко светились огнями. Мы останавливались перед витринами кондитерских. Шоколадные человечки, гирлянды из серебряной и золотой фольги, снежные хлопья из ваты, позолоченные тарелки и пирожные всех цветов радуги – все восхищало нас. Мне было немного стыдно. Но я не мог сдержать радости, переполнявшей меня и блестящей в глазах Жанны.

Когда я сегодня пытаюсь понять это странное чувство, я различаю в нем многое. Конечно, больше всего я радовался присутствию рядом Жанны – запаху ее духов, ее руке, сжимавшей мое запястье, ее надутым губкам. Но я радовался еще и витринам, внезапно засиявшим в квартале, где обычно так темно, торопливым прохожим, нагруженным покупками, детям, весело играющим на улицах, – всему, что помогало нам вырваться из нашего пустынного мира. Серебристые фантики шоколадных конфет были знаком, что для простых людей наступает еще неясное, но шумное и золотое время, и мы с Жанной теснее прижимались друг к другу. Быть может, мы смутно испытывали тогда особое счастье, какое испытывает человек, видящий, что жизнь оправдывает его ожидания. Обычно зачарованную пустыню нашей любви окружал мир, где нет места любви. А в эти дни нам казалось, что огонь, который вспыхивает в нас, когда руки наши соединяются, – тот же самый, что пляшет в витринах, в сердцах рабочих, глядящих на своих детей, и в вышине ясного и морозного декабрьского неба.

* * *

Декабрь

Фауст наоборот. Молодой человек просит у черта богатств этого мира. Черт (который носит спортивный костюм и не скрывает, что цинизм – великое искушение для ума) мягко замечает ему: «Ведь богатства этого мира тебе и так принадлежат. Того, чего тебе не хватает, ты должен просить у Бога. Ты заключишь сделку с Богом и за богатства мира иного продашь ему свое тело».

Помолчав, дьявол закуривает английскую сигарету и добавляет: «И это будет тебе вечной карой».

* * *

Петер Вольф. Сбегает из концлагеря, убивает часового и переходит границу. Скрывается в Праге, где пытается начать новую жизнь. После Мюнхенского сговора пражское правительство выдает его нацистам. Осужден на смерть. Через несколько часов ему отрубают голову.

* * *

На двери записка: «Входите. Я повесился». Входят – так и есть. (Он говорит «я», но его «я» уже не существует.)

* * *

Яванские танцы. Неспешность, принцип индийского танца.

Постепенное развертывание. В общем движении не пропадает ни одна деталь. Детали играют такую же важную роль, как в архитектуре. Жестов становится все больше. Все разворачивается постепенно, неторопливо. Не поступки и не жесты. Причастность.

Наряду с этим в некоторых жестоких танцах – прорывы в трагизм. Использование пауз в аккомпанементе (который, впрочем, есть лишь призрак музыки). Здесь музыка не следует рисунку танца. Она составляет его основу. Она включает в себя и жест и звук. Она обтекает тела и их бесчувственную геометрию.

(Отелло в танце голов.)

* * *

Для окончания «Бракосочетаний».

Земля! Это гигантский храм, покинутый богами, и задача человека – населить его идолами по своему образу и подобию, неопишутыми, с влюбленными лицами и глиняными ногами.

...эти чудовищные идола радости, с влюбленными лицами и глиняными ногами.

* * *

Депутат от Константины, избранный в третий раз. В день выборов, в полдень, он умирает. К вечеру у его дома собирается толпа, чтобы приветствовать его. Жена выходит на балкон и говорит, что он слегка нездоров. Вскоре труп избран депутатом.

Этого и добивались.

* * *

Об Абсурде?

Есть только один случай чистого отчаяния. Это отчаяние приговоренного к смерти (да будет нам позволено прибегнуть к сравнению). Можно спросить у безнадежно влюбленного, хочет ли он, чтобы завтра его гильотинировали, и он ответит «нет». Из-за ужаса перед казнью. Да. Но ужас проистекает здесь из уверенности – вернее, из математической составляющей, лежащей в основе этой уверенности. Абсурд здесь налицо. Это противоположность иррациональному. Он имеет все признаки очевидности. Что иррационально, что было бы иррационально, так это мимолетная надежда, что опасность минует и смерти можно будет избежать. Но это не абсурд. Очевидность в том, что ему, находящемуся в здравом уме и твердой памяти, отрубят голову – более того, весь его здравый ум сосредоточивается на том факте, что ему ее отрубят.

Кириллов прав. Убить себя – значит доказать свою свободу. А проблема свободы решается просто. У людей есть иллюзия, что они свободны. У осужденных на смерть этой иллюзии нет.

Вся проблема в том, насколько эта иллюзия реальна.

До: «Никак не удавалось представить себе, что этот стук, неразлучный со мною с незапамятных времен, вдруг оборвется, а главное – как представить себе сердце в ту самую секунду, когда...»

«Ах, каторга, какая благодать!»

* * *

(Мать: «А теперь они мне его возвращают... Вот что они с ним сделали... Они отдают мне его разрубленным на части».)

«В конце концов я стал спать совсем понемногу, среди дня, и все ночи напролет только тем и занимался, что ждал рассвета, ждал, чтобы с ним воссияла истина нового дня. Я знал, когда *они* обычно приходят, и в эту тревожную пору я был... словно зверь... Когда это кончалось, я понимал, что у меня есть еще день...

Я хотел все рассчитать. Я пытался взять себя в руки. Я послал просьбу о помиловании. И всегда предполагал самое худшее: она отвергнута. Значит, я умру. Раньше, чем другие, разумеется. Но жизнь столько раз казалась мне абсурдной, когда я вспоминал о смерти. Раз все равно суждено умереть, то какая разница, как и когда. Значит, надо смириться. И только тогда я *получал право* допустить другую возможность. Я помилован. Я пытался укротить бурный ток крови, разливавшийся по всему телу и ударявший мне в голову. Я заглушал этот крик, старался не придавать ему значения, чтобы вернее покориться той, первой возможности. Но зачем? Приходил рассвет, а вместе с ним тревожная пора...

И вот они пришли. Но ведь еще совсем темно. Они пришли раньше времени. Меня обокрали. Говорю вам, меня обокрали...

...Бежать. Все поломать. Но нет, я остаюсь. Сигарета? Почему бы и нет. Лишнее время. Но в то же время он отрезает воротник от моей рубашки. В то же время. Это то же самое время. Я не выиграл времени. Говорю же вам, меня обкрадывают.

* * *

...Какой длинный коридор, но как быстро идут эти люди... Пусть их будет много, пусть они встретят меня криками ненависти. Пусть их будет много и мне не будет так одиноко...

...Мне холодно. Как холодно! Почему меня оставили без пиджака? Правда, все это уже не имеет значения. Болезни мне уже не грозят. Я потерял право на рай страдания, я теряю его, теряю счастливую возможность харкать кровью или угасать от рака под взглядом близкого существа.

...И это небо без звезд, эти окна без огней, и эта кишашая народом улица, и этот человек в первом ряду, и нога этого человека, который...»

Конец

* * *

Абсурд. Гурвич. Тракта́т о надежде. Могущество предводителей...

* * *

Мерсо.

Калигула.

Специальный номер журнала «Риваж», посвященный театру. Вернуться к постановкам. Комментарий к плану Микеля. Оформление. Все, что имеет отношение к театру.

Сад Мирабель в Зальцбурге.

Группа уехала на гастроли в Бордж-бу-Арреридж.

* * *

1939 г.

Гореть для меня отдых. Огонь горит в душе, не только когда нам выпадает радость. Но также и когда нас ждет постоянство в труде, браке или желании.

* * *

Порядок работы:
Лекция о театре.
Абсурд в чтении.
Калигула.
Мерсо.
Театр.
«Риваж» – в понедельник у Шарло.
Урок.
Газета.

* * *

Февраль

Жизни, которые смерть не захватывает врасплох. Которые готовы к ней. Которые ее учли.

* * *

Когда умирает писатель, начинают переоценивать его творчество. Точно так же, когда умирает человек, начинают переоценивать его роль среди нас. Значит, прошлое полностью сотворено смертью, которая населяет его иллюзиями.

* * *

Любовь, которая не выдерживает столкновения с реальностью, – это не любовь. Но в таком случае неспособность любить – привилегия благородных сердец.

* * *

Роман. Эти ночные разговоры, эти бесконечные признания вслух...

«И эта жизнь в постоянном ожидании. Я жду ужина, жду сна. Я думаю о пробуждении со смутной надеждой – на что? Не знаю. Пробуждение наступает, и я жду обеда. И так весь день... Без конца говорить себе: сейчас он у себя в конторе, он завтракает, он у себя в конторе, он свободен – и эта дыра в его жизни, которую надо заполнить с помощью воображения, и ты напрягаешь воображение, едва не крича от боли...»

«...Испытать радость, чтобы завтра снова проститься с ней – и до чего же отчаяние близко к радости! Мысленно возвращаюсь к этим двум дням. Они были прекрасны и утопают в слезах».

* * *

Алжир, страна одновременно соразмерная и несообразная. Соразмерные линии, несообразный свет.

* * *

Смерть «Капрала». Ср. документ.

* * *

Сумасшедший в книжной лавке. Ср. документ.

* * *

Трагедия – замкнутый мир, где люди спотыкаются, сталкиваются друг с другом. В театре она должна рождаться и гибнуть на узком пространстве сцены.

* * *

Ср. Стюарт Милль: «Лучше быть недовольным Сократом, чем довольной свиньей».

* * *

Это солнечное утро: теплые улицы, на которых полно женщин. На каждом углу продают цветы. А девушки улыбаются.

* * *

Март

«Когда я оказался в купе первого класса, освещенном, натопленном, я закрыл за собой дверь и опустил все шторы. Я уселся, и вот тут, во внезапно наступившей тишине, почувствовал себя свободным. Свободным в первую очередь от последних суматошных дней, от судорожных попыток подчинить себе свою жизнь, от всех этих треволнений. Было тихо. Вагон мягко покачивался. И когда за окном, в ночи, слышался шорох дождя, он тоже казался мне тишиной. Несколько дней я мог ни о чем не думать, а просто ехать и ехать. Я был пленником расписаний, гостиниц, своего человеческого призвания. Наконец-то я принадлежал себе, не принадлежа себе. И я с наслаждением закрыл глаза, чувствуя, как разливается покой вместе с только что родившимся миром безмятежности без тирании, без любви, без меня».

* * *

Оран. Мерс-эль-Кебирская бухта за садиком, где растут красные герани и ирисы. Погода не очень хорошая: то тучи, то солнце. Край с абсолютным слухом. Достаточно большого про света на небе – и напряжение снимается, в сердце возвращается покой.

* * *

Апрель 1939 г.

В Оране «сюфоко» – худшее оскорбление. Сюфоко нельзя стерпеть. Надо требовать удовлетворения, и немедленно. У оранцев горячая кровь.

Великолепие пейзажа не обязательно предполагает его величие. Более того, его может лишить величия какой-нибудь пустяк. Так, алжирскую бухту лишает величия избыток красоты. Мерс-эль-Кебир, увиденный из Санта-Круса, наоборот, дает полное представление о том, что есть величие. Великолепен и неласков.

* * *

В ближнем предместье Орана сразу за последними домами открываются нескончаемые просторы неводеланной земли, где в эту пору цветут яркие дроки. За ними первое поселение колонистов. Бездушное, пересеченное единственной улицей, с возвышающейся посередине символической эстрадой для уличного оркестра.

* * *

Высокие плато и Джебель-Надор.

Нескончаемые просторы пшеничных полей, ни деревьев, ни людей. Редкие хижины, да на горизонте шагает поеживающаяся от холода фигурка. Несколько ворон и тишина. Нигде нет прибежища – нигде нет зацепки ни для радости, ни для меланхолии, которая могла бы принести плоды. Эти земли рожают только тоску и бесплодность.

В Тиарете несколько преподавателей сказали мне, что им все «осточертело».

– И что же вы делаете, когда чувствуете, что вам все осточертело?

– Мы надираемся.

– А потом?

– Идем в бордель.

Я пошел с ними в бордель. Шел мелкий снег, он забивался всюду. Все они были навеселе. Сторож потребовал с меня два франка за вход. Огромный, прямоугольный зал, стены в косую черно-желтую полоску. Танцы под патефон. Девицы не красотки и не дурнушки.

Одна говорила: «Ну, ты идешь со мной?»

Мужчина вяло отбивался.

– Я, – не унималась девица, – очень хочу, чтоб ты сделал это со мной.

Когда мы уходили, по-прежнему шел снег. Временами снегопад стихал, и тогда можно было разглядеть окрестности. Все те же унылые просторы, но на сей раз белые.

* * *

В Трезеле – мавританское кафе. Чай с мятой, разговоры. Улица проституток называется «Улицей Правды». Такса три франка.

* * *

Толпа и драки.

«Я человек не злой, но нрав у меня горячий. Тот фрукт мне говорит: “Выходи из трамвая, если ты мужчина”. Я говорю: “Да ладно, отстань”. А он мне: “Ты, мол, не мужчина”. Ну, я вышел с ним из вагона и говорю: “Лучше отвяжись, не то получишь”. А он отвечает: “Черта с два!” Ну, тут я ему врезал. Он свалился. Я хотел его поднять. А он лежит и отбивается ногами. Я ему наподдал коленом и еще по морде – раз, раз! В кровь разбил. Спрашиваю: “Ну как, мол, хватит с тебя?” Он говорит: “Хватит”».

* * *

Мобилизация.

Старший сын идет на фронт. Он сидит против матери и говорит:

«Это ничего». Мать не отвечает. Она берет со стола газету. Складывает ее вдвое, потом еще раз вдвое, потом еще.

* * *

На вокзале толпа провожающих. Битком набитые вагоны. Какая-то женщина плачет. «Я никогда не думала, что такое возможно, что может быть так плохо». Другая: «Поразительно, как все торопятся на верную смерть». Девушка плачет, прижавшись к жениху. Он стоит серьезный, молчаливый. Дым, крики, толкотня. Поезд трогается.

* * *

Лица женщин, наслаждение солнцем и водой, вот чему грозит смерть. И если мы не приемлем убийство, мы должны выстоять. Наша жизнь состоит из противоречий. Вся эпоха задыхается, тонет в противоречиях, не в силах проронить ни единой слезы, несущей избавление. Нет не только решений, нет и проблем.

Тетрадь № III. Апрель 1939 года – февраль 1942 года

В Провансе и в Италии кипарисы выделяются на фоне неба черными пятнами, а здесь, на кладбище Эль-Кеттар, кипарис золотился на солнце и сочился светом. Казалось, кипящий в его черном сердце золотой сок переливается через край коротких ветвей и стекает длинными золотистыми струями на зеленую листву.

* * *

...Словно книги, где подчеркнуто столько фраз, что начинаешь поневоле сомневаться в уме и вкусе читателя.

* * *

Диалог между Европой и Исламом.

– Когда мы смотрим на ваши кладбища и на то, во что вы их превратили, нас охватывает смесь восхищения и жалости, почтительный ужас перед людьми, которые живут, имея такое представление о смерти...

– ...Нам тоже случается жалеть себя. Это чувство помогает нам жить. Вам оно совершенно неведомо, вы, пожалуй, сочли бы его малодушным. Меж тем его испытывают даже самые мужественные из нас. Ибо мы называем мужественными тех, кто трезво смотрит на вещи, мы против силы, которая слепа. Вы же, наоборот, возводите в добродетель слепое послушание.

* * *

На войне. Люди, рассуждающие о степени опасности того или иного фронта. «Я воевал на самом страшном участке фронта». Все рушится, а они устанавливают иерархию. Такими они возвращаются.

* * *

– Да, – говорит ассенизатор, – видели бы вы туалеты, которые «они» себе отгрохали внизу, в Морском ведомстве! Обидно отдавать такие туалеты таким людям!

* * *

Женщина живет со своим мужем, ни о чем не задумываясь.

Однажды он произносит речь по радио. Она наблюдает за ним через застекленную дверь. Слов не слышно. Ей видны только жесты. Она открывает в нем не только существо из плоти и крови, но и паяца, каковым он и является.

Она бросает его. «И эта марионетка каждую ночь на меня ложится!»

* * *

Сюжет для пьесы. Человек в маске.

После долгого путешествия он возвращается домой в маске. Он никогда ее не снимает. Почему? Таков сюжет.

В конце концов он снимает маску. Он надел ее просто так. Чтобы смотреть на мир из-под маски. Он еще долго бы ее не снимал. Он был счастлив, если это слово имеет смысл. Но страдания жены побуждают его открыть лицо.

«До сих пор я любил тебя всем своим «я», а теперь буду любить тебя всего-навсего так, как ты того хочешь. Но похоже, тебе легче сносить мое презрение, чем любить, не понимая. Это разные вещи».

(Или разные женщины. Одна любит его в маске, потому что он ее интригует. Когда он снимает маску, любовь ее проходит. «Ты любила меня умом. Надо было любить меня *еще* и *нутром*». Другая любит его *несмотря* на маску и продолжает любить и без нее.)

Своеобразный, хотя и естественный механизм: она объясняла страдания человека, которого любила, как раз теми обстоятельствами, которые были для нее наиболее мучительны. Она так свыклась с безнадежностью, что, когда пыталась понять жизнь этого человека, всегда видела в ней только то, что было не в ее пользу. А его как раз это и раздражало.

* * *

Исторический ум и ум вечный. Один наделен чувством прекрасного. Другой – чувством бесконечного.

* * *

Ле Корбюзье: «Видите ли, художника отличает то, что в его жизни бывают минуты, когда он ощущает себя больше чем человеком».

* * *

Пиа и документы, которые пропадут. Добровольное исчезновение. Перед лицом небытия – гедонизм и постоянные разъезды. Исторический ум превращается таким образом в географический.

В трамвае. Ко мне пристаёт какой-то метис. «Если ты мужчина, дай мне двадцать су. Ты ведь мужчина. Видишь ли, я вышел из госпиталя. Я даже не знаю, где мне сегодня ночевать. Но если ты настоящий мужчина, я пойду пропущу стаканчик и обо всем забуду. Горе мне, у меня никого нет».

Я даю ему пять франков. Он берет меня за руку, смотрит на меня, бросается мне на грудь и разражается рыданиями. «Ты славный парень. Ты меня понимаешь. У меня никого нет, понимаешь, никого». Я выхожу, трамвай трогается, а он остается внутри, растерянный и все еще плачущий.

* * *

Человек, много лет живущий один, усыновляет ребенка. Он обрушивает на него все свое одинокое прошлое. И в своем замкнутом мире, один на один с этим существом он чувствует себя хозяином ребенка и великолепного царства, находящегося в его власти. Он его тиранит, пугает, сводит с ума своими фантазиями и придирками. В конце концов ребенок убегает, и он снова остается в одиночестве, плача и сгорая от любви к утраченной игрушке.

* * *

«Я ждал момента, когда мы выйдем на улицу и она обернется ко мне. И когда это случилось, я увидел бледное сияющее лицо, с которого поцелуи стерли косметику и едва ли не выражение.

Ее лицо было незащищенным. После долгих часов борьбы и вожделения я видел ее. Мое любовное терпение было наконец вознаграждено. Мои губы вытащили на свет из оболочки косметики и улыбок это лицо с побледневшими губами и белыми скулами, и тогда мне открылась ее глубинная суть».

* * *

Эдгар По и четыре условия счастья:

- 1) Жизнь на свежем воздухе
- 2) Сознание, что тебя любят
- 3) Отказ от всякого честолюбия
- 4) Созидание

* * *

Бодлер: «В Декларации прав человека забыты два права: право противоречить себе и право уходить из жизни».

То же: «Бывают такие сильные соблазны, которые поневоле превращаются в добродетели».

* * *

Госпожа дю Барри на эшафоте: «Подождите минутку, господин палач».

* * *

14 июля 1939 г. Прошел год.

* * *

На пляже человек, раскинувший руки, – распятый на солнце.

* * *

У Пьера сквернословие – форма отчаяния.

* * *

«Эти ужасные годы сомнений, когда он ждал женитьбы или еще чего-нибудь – когда он уже обдумывал философию отрешенности, которая оправдала бы его поражение и малодушие».

* * *

«Со своей женой. Вставал вопрос о том, может ли такой человек, как он, хранить достоинство, живя с этой изолгавшейся женщиной».

* * *

Август

1) Эдип побеждает сфинкса и рассеивает тайны благодаря своему знанию человека. Греческое мироздание ясно.

2) Но судьба, слепая судьба с безжалостной логикой зверски растаптывает этого же самого человека. Незамутненная ясность трагического и тленного.

* * *

См. Эпикур (эссе).

Грот Аглавры на Акрополе. Статуя Минервы, раз в год сбрасывающая одежды. Возможно, другие статуи тоже были одеты. Греческая нагота – плод нашего воображения.

* * *

В Афинах был храм, посвященный старости. Туда водили детей.

Корес и Каллироя (пьеса).

Приносит себя в жертву вместо нее. Она закаляется, видя это доказательство любви.

* * *

Легенды о божествах, переодетых нищими, призывали к милосердию. Оно не свойственно человеку от природы.

* * *

В Меконе Прометей обманул Зевса. Две бычьи шкуры, одна наполнена мясом, другая – костями. Зевс выбрал вторую. Потому-то он и отнял у людей огонь. Из низкой мстительности.

* * *

Дочь горшечника Дибутада увидела на стене тень своего возлюбленного и обвела его профиль кинжалом. Благодаря этому рисунку ее отец изобрел стиль росписи, украшающей греческие вазы. В основе всех вещей лежит любовь.

* * *

В Коринфе рядом стоят два храма: храм силы и храм нужды.

* * *

Диметос питал преступную страсть к своей племяннице. Девушка повесилась. Однажды волны выбросили на песчаную отмель тело красивой молодой женщины. Увидев его, Диметос пал на колени, сгорая от любви. Но на его глазах это восхитительное тело начало разлагаться, и Диметос сошел с ума. Такова была месть его племянницы. Это и символ существования, которому следовало бы дать определение.

* * *

В Паллантионе, в Аркадии, есть жертвенник «Чистым богам».

* * *

«Я с радостью умру за нее, – сказал П. – Но пусть она не требует от меня, чтобы я продолжал жить».

* * *

Сентябрь 1939 г. Война.

Люди срочно ложатся на операцию к известному алжирскому врачу, опасаясь, что его могут отправить на фронт.

* * *

Гастон: «Главное – *выкрутиться*, пока меня не мобилизовали».

* * *

На перроне вокзала мать – молодому (тридцатилетнему) запаснику: «Будь осторожен».

* * *

В трамвае: – А Польша-то не поддается.

– Пакту крышка.

– Гитлеру палец в рот не клади.

На рынке: – Вы знаете, в субботу будет ответ.

– Какой ответ?

– Ответ Гитлера.

– И что?

– И мы узнаем, будет война или нет.

– Какое безобразие!

На вокзале запасники дают оплеухи служащим: «Тыловые крысы!»

* * *

Война разразилась. В чем война? Где, кроме сводок новостей, которым приходится верить, да плакатов, которые приходится читать, искать проявлений этого абсурдного события? В этом синем небе над синим морем, в этом звоне стрекоз, в кипарисах на холмах ее нет. Нет ее и в пляшущих солнечных бликах на улицах Алжира.

Люди стремятся поверить в нее. Ищут ее лицо, но она прячется от нас. Вокруг царит жизнь с ее великолепными лицами.

Прожить всю жизнь в ненависти к этой твари, а теперь, когда она перед нами, не узнавать ее. Так мало произошло изменений. Позже, конечно, придут грязь, кровь и страшное омерзение. Но пока люди видят лишь одно: начало войны похоже на начало мира – ни окружающий мир, ни сердце ничего не замечают.

* * *

...Вспоминать о первых днях войны, приносящей, наверное, столько же бедствий, сколько счастья приносят мирные дни, – странный и поучительный удел... Я пытаюсь оправдать свой бунт, который пока не имеет никакого фактического обоснования.

* * *

Одни созданы для того, чтобы любить, другие – для того, чтобы жить.

* * *

Мы всегда преувеличиваем важность жизни отдельного человека. Есть множество людей, не знающих, что делать с жизнью, – не так уж безнравственно лишить их ее. С другой стороны, все приобретает новое значение. Но это уже известно. То, что эта катастрофа абсурдна по своей сути, ничего в ней не меняет. Ее абсурдность – часть еще более абсурдной жизни. Абсурдность жизни делается благодаря ей более явной и более насущной. Если нынешняя война повлияет на человечество, то влияние это будет следующим: люди укрепятся в своих представлениях о жизни и в своем о ней мнении. Как только война становится реальностью, всякое мнение, не берущее ее в расчет, начинает звучать неверно. Человек мыслящий занимается обычно тем, что старается сообразовать свое представление о вещах с новыми фактами, которые его опровергают. В этом-то сдвиге, в этой-то изменчивости мыслей, в этой сознательной поправке и заключается истина, то есть урок, преподаваемый жизнью. Поэтому, как ни отвратительна нынешняя война, невозможно оставаться непричастным к ней. Невозможно ни мне – это разумеется само собой и с самого начала – я могу рисковать жизнью и без страха смотреть в лицо смерти, – ни всем тем, безымянным и покорным, что идут на эту непростительную бойню, – в ком я чувствую своих братьев.

* * *

В окно дует холодный ветер.

Мама: – Погода начинает меняться.

– Да.

– Что ж теперь, всю войну свет будет таким тусклым?

- Да, наверно.
- Зимой-то как будет худо.
- Да.

* * *

Все предали: те, кто подстрекал к сопротивлению, и те, кто проповедовал мир. Они все налицо, такие же послушные и более виновные, чем остальные. И никогда отдельный человек не был более одинок перед машиной, фабрикующей ложь. Он еще может презирать и бороться с помощью своего презрения. Если у него нет права быть в стороне и презирать, он сохраняет право судить. Никому не дано порвать с человечеством, с толпой. Думать иначе было бы предательством. Каждый умирает в одиночку. Всем предстоит умереть в одиночку. Пусть по крайней мере отдельный человек сохранит способность презирать и выбирать в ужасном испытании то, что прибавляет ему человеческого величия.

Пойти на испытание и принять все, что с ним связано. Но поклясться совершать на самом неблагородном поприще только самые благородные поступки. В основе благородства (подлинного, идущего от сердца) – презрение, храбрость и полное безразличие.

* * *

Быть созданным, чтобы творить, любить и побеждать, – значит быть созданным, чтобы жить в мире. Но война учит все проигрывать и становиться тем, чем мы не были. Теперь все дело в стиле.

* * *

Я мечтал, как мы с победой войдем в Рим. И размышлял о вторжении варваров в Вечный город. Но сам я был одним из варваров.

* * *

Совмещать в произведении описание и объяснение. Придать описанию его истинный смысл. Само по себе оно восхитительно, но ничего не несет с собой. В таком случае достаточно дать почувствовать, что мы намеренно остаемся в границах описания. Границы рушатся, и произведение начинает «звучать».

* * *

«С одной стороны, – говорит освобожденный от воинской повинности, вызванный на медицинскую комиссию, – мне все это осточертело. Но с другой стороны – я то и дело слышу всякие шуточки. «Ты еще не на фронте?» – «Ты все еще тут?» В нашем доме больше сорока мужчин. Остался я один. Вот и приходится возвращаться поздно ночью и уходить рано утром».

* * *

Другой запасник, которому сделали рентген желудка: «Они влили в меня литра три известки, не меньше. Раньше дерьмо у меня было черное, а теперь – белое. Вот она, война».

* * *

7 сентября

Люди все хотели понять, где война – и что в ней гнусного.

И вот они замечают, что знают, где она, что она в них самих, что она в этой неловкости, в этой необходимости выбирать, которая заставляет их идти на фронт и при этом терзаться, что не хватило духу остаться дома, или оставаться дома и при этом терзаться, что они не пошли на смерть вместе с другими.

Вот она, она здесь, а мы искали ее в синем небе и в равнодушном окружающем мире. Она в страшном одиночестве того, кто сражается, и того, кто остается в тылу, в позорном отчаянии, охватившем всех, и в нравственном падении, которое со временем проступает на лицах. Наступило царствие зверей.

* * *

В людях начинают пробуждаться ненависть и сила. В них не осталось ничего чистого. Ничего неповторимого. Каждый думает, как все. Кругом одни звери, звериные лица европейцев. Омерзительный мир, всеобъемлющая трусость, насмешка над храбростью, мнимое величие, упадок чести.

* * *

Ошеломительное зрелище: видеть, с какой легкостью рушится достоинство некоторых людей. Но если как следует подумать, ничего странного тут нет, ведь достоинство, о котором идет речь, держалось в них только за счет неустанной борьбы с их собственной природой.

* * *

Неизбежно только одно: смерть, всего остального можно избежать. Во временном пространстве, которое отделяет рождение от смерти, нет ничего predetermined: все можно изменить и можно даже прекратить войну и жить в мире, если желать этого как следует – очень сильно и долго.

* * *

Правило: в каждом человеке видеть прежде всего то, что в нем есть хорошего.

* * *

Ср. Гретюизен по поводу Дильтея: «Таким образом, признав фрагментарный характер нашего существования и наличие в каждой отдельной жизни массы случайного и ограниченного, мы будем искать то, чего не находим в себе, в совокупности жизней».

* * *

Если верно, что абсурд дошел до предела (вернее, его беспредельность стала очевидной), то верно и то, что никакой опыт сам по себе не имеет цены и что все поступки в равной мере поучительны. Воля – ничто. Смирение – все. При условии, что человек «всегда готов» к любому унижению и мучению и претерпит их, не слагая оружия, призвав на помощь всю свою трезвость.

* * *

Стремление отгородиться – от глупости ли, от жестокости ли других – всегда бессмысленно. Невозможно сказать: «Я об этом ничего не знаю». Приходится либо сотрудничать, либо бороться. Нет ничего менее простительного, чем война и призыв к ненависти между народами. Но если уж война началась, бессмысленно и малодушно оставаться в стороне под тем предлогом, что не мы в ней виноваты. Башни из слоновой кости рухнули. Никакой снисходительности ни к себе, ни к другим.

Судить событие извне невозможно и безнравственно. Только находясь в лоне этого абсурдного бедствия, мы сохраняем право презирать его.

Реакция одного человека сама по себе не имеет никакого значения. От нее может быть какой-нибудь прок, но она ничего не оправдывает. Дилетантское желание парить над схваткой и порвать со своим окружением есть самое смехотворное применение свободной воли. Вот почему я стремился на фронт. А если меня не берут, мне надо смириться с положением тыловой крысы. В обоих случаях мое мнение может остаться непреложным, а отвращение – безоговорочным. В обоих случаях я не уклоняюсь от войны и имею право судить о ней. Судить и действовать.

* * *

Смириться. И видеть, например, хорошее в дурном. Если меня не берут на фронт, значит, мне суждено вечно оставаться в стороне. И именно эта борьба за то, чтобы оставаться нормальным человеком в исключительных условиях, всегда давала мне больше всего сил и позволяла приносить больше всего пользы.

* * *

Гёте (Эккерману): «Дай я себе волю, я очень скоро разорился бы сам и разорил всех своих близких...» Самое важное – научиться владеть собой.

* * *

О Гёте: «Он терпим без снисходительности».

* * *

Прометей как революционный идеал.

«Все, что не убивает меня, придает мне силы» (Ницше).

* * *

«Педантизм есть нехватка преданности» («Сумерки кумиров»).

* * *

«Трагический артист – не пессимист. Он говорит «да» всему неясному и ужасному» («Сумерки кумиров»).

* * *

Что такое война? Ничто. Совершенно все равно – быть штатским или военным, вести войну или бороться с ней.

Человек глазами Ницше («Сумерки кумиров»).

«Г. представлял себе, каким должен быть человек: сильный, развитый, закаленный, прекрасно владеющий собой, уважающий собственную индивидуальность, не боящийся развернуться в полную силу, показывая все свои природные дарования, способный познать свободу; терпимый не от слабости, а от силы, ибо наделен умением извлекать пользу даже из того, что было бы пагубно для натур заурядных, не знающий ничего запретного, кроме одной только вещи – слабости, как бы она ни называлась: пороком или добродетелью... Такой ум, обретая свободу, является в центре вселенной, полный счастливой и доверчивой надежды на судьбу, верящий, что осуждению подлежит лишь то, что существует обособленно, и что, подходя к миру как к целому, можно разрешить любую проблему и утвердить любую истину. *Он уже не отрицает...*»

* * *

Преодолеть еще и это? Придется. Но эти бесконечные усилия оставляют горький осадок. Неужели нельзя было избавить нас хотя бы от этого? Но и усталость тоже необходимо преодолеть. И это тоже не пройдет бесследно. Однажды вечером, подойдя к зеркалу, мы обнаруживаем, что морщина, кривящая уголки губ, стала чуть глубже. Что это? Это результат моей борьбы за счастье.

У Жарри перед смертью спросили, чего он хочет. «Зубочистку». Ему ее дали, он поднес ее ко рту и умер довольный. Жалкие люди, вы смеетесь над этим и не извлекаете ужасного урока. Всего-навсего зубочистка, только зубочистка, обычная зубочистка – вот цена этой пленяющей нас жизни.

* * *

«Но этот малыш очень болен, – сказал лейтенант. – Мы не можем его взять». Мне двадцать шесть лет, я прожил целую жизнь и знаю, чего хочу.

* * *

Куча людей, а за ними и Полан на страницах «Нувель ревью франсез», поражаются, что война 1939 г. началась не в такой обстановке, как война 14-го г. Наивные люди, они думают,

что ужас всегда имеет одно лицо, наивные люди, они не могут расстаться с запасом привычных образов.

* * *

Весна в Париже: предвестие ее – почки на каштане, и сердце замирает. В Алжире переход более резкий. Здесь однажды утром у нас захватывает дух не от одного бутона розы, а от тысячи розовых бутонов. И не мимолетное волнение ощущаем мы, а мощный и отчетливый наплыв тысячи ароматов и тысячи ярких красок. Это не пробуждение чувств, но покорение тела.

* * *

Ноябрь 1939 г.

Что помогает вести войну?

- 1) то, что общеизвестно
- 2) отчаяние тех, кто не хочет воевать
- 3) самолюбие тех, кто идут на фронт по доброй воле, чтобы не отстать от других
- 4) голод тех, кто идут на фронт, потому что утратили положение в обществе
- 5) множество благородных чувств, таких как:
 - а) солидарность в страдании
 - б) молчаливое презрение
 - в) отсутствие ненависти.

Всем этим подлю пользуются, и все это ведет к смерти.

* * *

Смерть Людовика XVI. Он написал жене письмо и просит человека, который ведет его на казнь, передать его ей. В ответ он слышит: «Я здесь не для того, чтобы выполнять ваши поручения, я здесь для того, чтобы вести вас на эшафот».

* * *

В итальянских музеях есть маленькие расписные экранчики, которые священник держал перед лицом осужденных, чтобы загородить от них эшафот.

Экзистенциальный скачок – это маленький экранчик.

* * *

Письмо к отчаявшемуся человеку.

Вы пишете, что война вас удручает, что вы готовы умереть, но не в силах выносить все-ленскую глупость, жестокую трусость и преступную наивность людей, которые все еще верят, что кровь может разрешить все встающие перед человечеством проблемы.

Я читаю ваше письмо и понимаю вас. Мне хорошо понятен ваш выбор и противоречие между вашей готовностью умереть и вашим отвращением при виде того, как умирают другие. Значит, вы человек достойный. Это ставит вас в ряд тех, с кем можно говорить. И правда, как не впасть в отчаяние? Не один раз судьба тех, кого мы любим, оказывалась под угрозой. Болезнь, смерть, безумие, но оставались мы, и оставалось то, во что мы верили! Не один раз ценности, которыми мы жили, оказывались на грани крушения. Но никогда еще гибель не гро-

зила одновременно и всем нашим близким, и всем нашим ценностям без исключения. Никогда мы не были обречены на поголовное уничтожение.

Я понимаю вас, но не разделяю ваших чувств, когда вы собираетесь сделать свое отчаяние правилом жизни и, решив, что все бесполезно, замыкаетесь в своем отращении. Ибо отчаяние есть чувство, а не состояние. Жизнь не может сводиться к отчаянию. И чувство не должно вытеснять трезвый взгляд на вещи.

Вы говорите: «А как же быть? И что я могу?» Но изначально вопрос стоит не так. Вы, конечно, еще не утратили веру в отдельную личность, потому что прекрасно чувствуете, сколько хорошего есть в тех, кто вас окружает, и в вас самом. Но эти отдельные люди бессильны – и вы отчаиваетесь в обществе. Учтите, однако, что вы уже порвали с этим обществом задолго до катастрофы, что вы и я знали, что это общество неизбежно придет к войне, что вы и я выступали против нее и, наконец, что мы чувствовали полную свою несовместимость с этим обществом. С тех пор оно не изменилось. Оно пришло к своему естественному концу. И, право, если посмотреть на вещи беспристрастно, нынче у вас не больше поводов для отчаяния, чем было в 1928 г. Да, у вас их ровно столько же.

А если как следует все взвесить, у тех, кто воевал в 1914 г., было больше причин для отчаяния, потому что они хуже понимали, что происходит. Вы скажете: какой мне прок знать, что в 1928 г. было столько же поводов для отчаяния, сколько в 1939-м? И будете не правы. Ибо в 1928 г. отчаяние ваше не было беспросветным, меж тем как теперь все вам кажется напрасным. Если ничто не изменилось, значит, суждение ваше неверно. Оно неверно, как и всегда, когда правда, вместо того чтобы явиться нам в итоге размышлений, предстает во плоти жизни. Вы предвидели войну, но надеялись ее предотвратить. И потому отчаяние ваше не было беспросветным. Сегодня вы думаете, что ничего уже не способны предотвратить. В этом все дело.

Но прежде всего следует спросить вас, все ли вы сделали, чтобы предотвратить войну? Если да, то война могла бы показаться вам неизбежной и вы могли бы рассудить, что тут уже ничего не поделаешь. Но я уверен, что вы сделали не все, что никто из нас не сделал всего, что надо. Предотвратить войну было не в ваших силах? Нет, это не так. Нынешняя война, как вы знаете, не была неизбежной. Достаточно было вовремя пересмотреть Версальский договор. Он пересмотрен не был. Вот и все, вы сами видите, что дела могли пойти совсем по-иному. Но этот договор, или что-либо другое, еще можно пересмотреть. Еще можно добиться, чтобы Гитлер отступил от своего слова. Еще можно отказаться от этих несправедливостей, вызвавших ответные несправедливости, и потребовать, чтобы те также были уничтожены. Есть еще полезное дело, которое предстоит выполнить. Вы полагаете, что ваша роль отдельного человека практически сводится к нулю. Но на это я скажу вам, возвращаясь к моему предыдущему рассуждению, что она осталась такой же, какой была в 1928 г. Впрочем, я знаю, что вы не слишком держитесь за понятие бесполезности. Ибо я думаю, что вы вряд ли одобряете отказ от военной службы по религиозно-этическим соображениям. И не потому, что у вас не хватает смелости выступить в его защиту. Просто вы не видите в таком отказе никакой пользы. Значит, некоторую долю полезности вы уже допускаете, и это позволяет вам следить за моей мыслью.

Вам есть, что делать, не беспокойтесь. У всякого человека есть более или менее широкая сфера влияния. Этому способствуют и его недостатки, и его достоинства. Как бы там ни было, влияние существует, и его можно незамедлительно использовать. Никого не подстрекайте к бунту. Надо беречь чужую кровь и свободу. Но вы можете убедить десять, двадцать, тридцать человек, что эта война не была неизбежной и не является таковой и поныне, что существуют средства прекратить ее, которые до сих пор еще не пущены в ход, что об этом надо говорить, когда можно, писать, если потребуется – кричать. Десять или тридцать человек, которых вы убедите, в свою очередь, скажут об этом десятку других, те передадут дальше. Если им мешает лень, тем хуже, начните все сначала с другими людьми. Вот когда вы сделаете то, что

должны сделать, в своей сфере, на своем участке, тогда можете предаваться отчаянию сколько угодно. Поймите, что можно отчаяться в смысле жизни *вообще*, но не в ее отдельных проявлениях, можно отчаяться в существовании, потому что мы не имеем над ним власти, но не в истории, где отдельный человек может все. Ведь на смерть нас сегодня посылают отдельные люди. Почему же отдельным людям не постараться подарить миру мир? Надо только начать, не замахиваясь на столь великие дела. Поймите же, что в войне участвует не только энтузиазм тех, кто ее приветствует, но и отчаяние тех, кто ненавидит ее всей душой.

* * *

Выражение, процитированное Грином в его «Дневнике»: «Не надо бояться смерти – слишком много чести для нее».

* * *

Грин и его «Дневник».
Записывает много снов. Пересказ снов всегда наводит на меня тоску.

* * *

Смерть Лепуатвена, друга Флобера.
«Закройте окно! Это слишком прекрасно».

* * *

Собор в Бордо. В уголке:
«Святой Павел, сделай так, чтобы я попала в первую десятку!»
«Святой Павел, сделай так, чтобы он пришел на свидание!»

* * *

Монтерлан поставил эпиграфом к «Бесполезному служению» замечательные слова монсеньора Дарбуа: «Напрасно вы думаете, что человек создан, чтобы что-нибудь сделать на земле». И он извлекает отсюда замечательные и горькие уроки героизма. Но отсюда же можно извлечь и прямо противоположный урок, оправдывающий Диогена и Эрнеста Ренана. Только великие мысли способны на такую противоречивую плодотворность.

* * *

Я не устаю поражаться «развеселому» виду, который принимает в Алжире все, что имеет отношение к смерти. Ничто не кажется мне более оправданным. Что может быть смехотворнее события, обычное сопровождение которого – бульканье воды в горле и пот градом. Что может быть глупее благоговейного отношения к этому событию. Нет ничего презреннее, чем уважение, основанное на страхе. Отсюда следует, что смерть достойна не большего почтения, чем император Нерон или полицейский комиссар моего округа.

* * *

Лоуренс: «Трагическое должно быть как крепкий пинок несчастью» (ср. его аристократический коммунизм).

* * *

Там же: «Революцию надо совершать не ради того, чтобы дать власть какому-то классу, но ради того, чтобы пробудить в жизни надежду».

* * *

М. «Мужчины мне не ровня. Они на меня смотрят и меня судят; те, кто мне ровня, любят меня не глядя, они любят меня несмотря ни на что, любят меня, несмотря на низости, подлость, предательство, меня, а не то, что я делаю или сделаю, они готовы любить до тех пор, пока я сама буду себя любить – вплоть до самоубийства включительно».

...«только с ней (Мей) меня роднит эта любовь, то мучительная, то нет, как других роднят общие дети, которые больны и могут умереть».

* * *

Абсурдные персонажи.

Калигула. Меч и кинжал.

«Я полагаю, меня недостаточно хорошо поняли третьего дня, когда я убил жреца палкой, которой он должен был забить телку. А между тем все очень просто. В кои-то веки мне захотелось изменить порядок вещей – по правде говоря, просто для того, чтобы посмотреть, что будет. И я увидел, что ничего не изменилось. Немного удивления и ужаса у зрителей. А солнце все равно зашло в урочный час. Отсюда я заключил, что менять порядок вещей или не менять его – все едино».

Но почему бы солнцу не взойти однажды на западе?

* * *

Там же (Птоломей): Я приказал убить его, потому что он не имел оснований щеголять в более красивом плаще, чем я. Безусловно, не имел. Разумеется, и я не имел оснований рассчитывать, что мой плащ будет самым красивым. Но он этого не сознавал, и, поскольку я был единственным, кто вникнул в суть дела, преимущество, естественно, было на моей стороне.

* * *

Дон Кихот и Ла Палис.

Ла Палис: За четверть часа до смерти я был еще жив. Это меня и прославило. Но славу мою отняли самозванцы. Истинная моя философия заключается в том, что через четверть часа после смерти я уже не буду жив.

* * *

Дон Кихот: Да, я сражался с ветряными мельницами. Ибо совершенно все равно, сражаться с ветряными мельницами или с великанами. Настолько все равно, что их можно перепутать. Моя метафизика – метафизика близорукого.

* * *

Веды. О чем человек думает, тем он и становится.

* * *

Жизель и война. «Нет, я газет не читаю. Единственное, что меня интересует, – это погода. В воскресенье я собираюсь за город».

* * *

«Знаете, Фонтан, что меня больше всего поражает? Что сила бессильна что-либо создать. В мире есть только два владыки – меч и дух. И в конце концов дух всегда одерживает победу над мечом». Наполеон.

* * *

Людовик XIV. «Дитя мое, вы станете великим королем; не повторяйте моей ошибки, старайтесь поменьше воевать. Попробуйте облегчить жизнь вашему народу... Мое несчастье в том, что я не смог этого сделать».

* * *

Оран.

Тлелат как преддверие Орана. Нагота и свобода перед тем, как окунуться в мир чувственности, сосредоточение перед тем, как спуститься в сладостный ад.

В Оран можно ехать дневным или ночным поездом. Дневным я не ездил. Но когда едешь ночью, то под утро приезжаешь в Сент-Барб-дю-Тлелат, минуя дрожащие эвкалипты Перрего в тот час, когда утро еще не наступило, а ночь уже кончилась. В Тлелате есть маленький вокзал с зелеными ставнями, с большими башенными часами...

...Теперь о Тлелате во время дождя...

...Святая Варвара Тлелатская, воплощенное безразличие, уравновешенность и воля, охрани нас от слишком поспешного выбора и оставь нам эту неограниченную свободу, именуемую бедностью. Через несколько минут мы приедем в Оран, где на нас обрушится бремя плотской, безнадежной жизни. Неподвижная громада Санта-Крус и запах анисовки на улицах Мерс-эль-Кебира. Нас ждет «Вьей кюр», который в кафе «Сентра» подают со льдом, – и оранские женщины с толстоватыми лодыжками, вечно ходящие с непокрытой головой. Святая Варвара, храни оранских женщин до старости и приведи им на смену множество таких же оранок, которые будут так же прогуливаться под деревьями старой префектуры. Святая Варвара, отведи мысли оранок от Алжира и Парижа и научи их правде этого мира, которая заключается

в том, что правды в нем нет. Святая Варвара, ты, подобная перрону, где мы, погрузившись в мечтания, курим сигарету в ожидании свистка, который вернет нас к земным пейзажам, ты знаешь, что я редко бываю религиозен. Но ты знаешь, что, если это со мной случается, мне не нужен Бог, что религиозность моя – лишь игра, длящаяся до той поры, пока поезд не тронется с места, и молитва моя мимолетна. Святая Варвара, ты, являющаяся точкой в пространстве на пути из Орана в Алжир, ближе к Орану, совсем рядом с Ораном, и остановкой во времени, которое приближает меня к Орану, ты, такая плотская и ясная, такая земная и надежная, стань на несколько секунд святой безбожника и наставницей простака.

* * *

Оран. Экстравагантный город, где обувные лавки выставляют напоказ страшные муляжи уродливых ног, где игрушки с сюрпризом соседствуют в витринах с трехцветными бумажниками, где еще встречаются необыкновенные кафе со стойкой, отполированной жиром и усеянной лапками и крылышками мух, кафе, где все стаканы щербатые. Благословенные кафе благословенного края, где маленькая чашечка кофе стоит 12 су, а большая –18. В антикварном магазине вам с наглым видом улыбается деревянная дева Мария – скверное творение безымянной знаменитости. Под ней хозяева на всякий случай повесили табличку: «Деревянная дева Мария, работы «майя». В витринах фотоателье выставлены странные физиономии, начиная с оранского моряка, облокотившегося на столик с гнутыми ножками, и кончая барышней на выданье в немислимом наряде, красующейся на фоне леса; достойную компанию им составляет молодой красавец с прилизанными волосами и оскалом, вызывающим в памяти траншею.

Город, не имеющий себе равных, доступный, полный неоформившихся девушек, на которых нельзя смотреть без волнения, город с лицом без грима, не умеющий скрывать чувства, так неловко изображающий кокетство, что хитрость тотчас выходит наружу.

Кафе «Аполлон», кафе «У Мило», маленькие бары, похожие на лодочки, трамваи, пастели XVIII века рядом с заводным плюшевым осликом, прованская водичка для приготовления зеленых оливок, патриотические букеты цветов – Оран, Чикаго нашей абсурдной Европы!

Вырастающая из скалы крепость Санта-Крус, горы, морская гладь, сильный ветер и солнце, большие подъемные краны и гигантские сходни, взбирающиеся на утес, где стоит город, трамваи, мосты и ангары – что ни говори, во всем этом чувствуется величие.

* * *

Я часто слышал, как оранцы жалуются на свой город: «Нет интересного общества!» Но, черт возьми, вы сами виноваты.

Есть род величия, не способствующий возвышению. Оно по сути своей неплодотворно. Оно делает человека зависимым от его положения. Так что оставьте общество и выходите на улицу (но Оран не создан для оранцев).

* * *

Оран. Канастель и неподвижное море у подножия красных скал. Два дремлющих массивных мыса в прозрачной воде. Приближающийся глухой рокот мотора. И корабль береговой охраны, который незаметно плывет вперед в сверкающем море, омываемый ярким светом. Избыток безразличия и красоты – призыв нечеловеческих сил. На плато растут безвременники – изысканные цветы на волокнистых стеблях.

* * *

Мерс-эль-Кебирская бухта и дорога под цветущими миндальными деревьями; совершенный рисунок бухты – ее *средняя* протяженность – вода, словно голубая металлическая пластина. Безразличие.

То же над черепичной фабрикой. Красное и голубое. Прозрачность вещей. Безразличие.

* * *

Ноябрь

Перед Борджиа, избранным папой, трижды зажигают паклю, чтобы напомнить этому владыке мира, что мирская слава недолговечна. Он вершил суд «достойным восхищения» образом (Бурхард).

* * *

Иннокентий VIII, которому медиум-еврей дал выпить женского молока, смешанного с кровью мужчины.

Фердинанд Неапольский, бальзамирующий трупы своих казненных врагов, чтобы «украшать ими свои покои».

Александр и Лукреция Борджиа всегда покровительствовали евреям. Александр делит мир между испанцами и португальцами, проведя прямую линию от Азорских островов до Южного полюса. Большого мир не стоит.

* * *

По Бурхарду.

После убийства герцога Ганди, его сына.

Александр VI оцепенел от страшного горя. Он вперил взор в недвижные окровавленные останки, потом заперся в своей спальне, откуда доносились его рыдания.

Не ел и не пил с четверга до субботы и не спал до воскресенья.

Цезарь Борджиа. Крепкий, был подвержен «приступам хвори», страдал нарывами и не вставал с постели, «скорбные предчувствия омрачали жизнь этого славного юноши». И он иступленно предавался развлечениям. Днем спал – ночью трудился. *Aut Caesar, aut nihil*¹⁰.

* * *

Роман. У него ничего не получается и не получится, потому что он разбрасывается, потому что он не умеет выбирать между своими обязанностями, а произведение искусства невозможно создать, если не... Все дело в его привычках. Самая пагубная – валяться в постели. Это сильнее его. А влечет его, манит и восхищает противоположное. Он хочет, чтобы произведение родилось из отступления от привычки, – и принимает решения.

¹⁰ Или Цезарь, или ничто (*лат.*).

* * *

29 ноября

Прославление разнообразия, изобилия, в частности чувственной жизни, и призыв отдаться порыву страсти оправданны только в том случае, если человек доказал свое бескорыстие по отношению к предмету этой страсти.

Существенно также погружение в материю – ведь множество людей прославляют чувственность только потому, что они ее рабы. Здесь также прячется корысть.

Отсюда железная необходимость пройти испытание, например испытание целомудрием, обращаться с самим собой по всей строгости. Перед тем, как начать какое бы то ни было теоретическое предприятие, имеющее целью прославление сиюминутного, нужен месяц полной аскезы.

Сексуальное целомудрие.

Целомудрие в мыслях – не давать желаниям сбиваться с пути истинного, мыслям – рассеиваться.

Единственный, постоянный предмет размышлений – отказаться от остального.

Трудиться по часам, не прерываясь, не отвлекаясь и т. д. и т. п. (нравственная аскеза также).

Одно-единственное отклонение – и все пропало: практика и теория.

* * *

В Ферраре дворец Скифаноа, построенный Альберто д'Эсте, чтобы «спастись от скуки». Род Эсте.

Ипполито приказывает вырвать глаза своему брату Джулио, потому что женщина, которую он любит, сказала, что «глаза Джулио ей милее, чем тело Ипполито».

Джулио и Фернандо хотят убить Ипполито и Альфонсо д'Эсте. Заговор раскрыт, они осуждены на смерть, затем садистски помилованы на эшафоте. Однако Фернандо проводит в тюрьме тридцать пять лет и умирает в темнице, а Джулио остается в заключении пятьдесят четыре года и выходит на свободу с помутившимся рассудком.

Альфонсо д'Эсте приказывает расплавить статую Юлия II работы Микеланджело и отлить из нее пушку.

* * *

Ср. Гонзаг Трюк. «Они строили только для себя и, вместо того чтобы склонить голову перед творением искусства, вместо того чтобы смиренно отыскать ему место в таинственном мироздании (?), напитать его вечными ценностями (?), они осуждали его на немедленное исчезновение. От них самих до нас дошли только высокомерные и проклятые имена». *Вот именно.*

* * *

Библиография по Борджиа.

Луи де Вильфосс («Макиавелли и мы», 1937).

Рафаэль Сабатини («Цезарь Борджиа», 1937).

Фред Беренс («Лукреция Борджиа», 1937).

Габ, Брюне («Живые тени», 1936).

Л. Коллисон-Морлей («История рода Борджиа»).

Шарль Бенуа («Макиавелли»).

«Дневник» Иоганна Бурхарда (изд. «Тюрмель», 1933) и т. д.

* * *

1940 г.

Вечера на террасе Двух Чудес. Дыхание моря, которое угадывается в ночи. Трепет олив и испарения, поднимающиеся от земли.

Скалы в море, усеянные белыми чайками. Их серая громада, освещенная белыми крыльями, словно сверкающее плавучее кладбище.

* * *

Роман.

Эта история началась под палящим солнцем на голубом пляже: загорелые тела двух молодых существ – купание, игры в воде и на солнце, – летние вечера на дорогах вдоль пляжей, напоенные ароматом фруктов и испарениями, поднимающимися в глубокой тени, – расслабившееся тело в легких одеждах. Влечение, тихое тайное упоение в сердце семнадцатилетнего юноши.

Закончилась в Париже: холод или серое небо, голуби на черных камнях Пале-Руаяля, город и его огни, торопливые поцелуи, нервная беспокойная нежность, желание и благоразумие, овладевающее сердцем двадцатичетырехлетнего мужчины, – «останемся друзьями».

* * *

Там же. Другая история, начавшаяся холодной ненастной ночью, на земле среди кипарисов, перед лицом неба, испещренного звездами и облаками; продолжавшаяся на алжирских холмах или в виду таинственного и широкого порта.

Касба – жалкая и величественная, кладбище Эль-Кеттар, низвергающее свои могилы в море, горячие мягкие губы среди цветов граната над какой-то могилой – деревья, холмы, подъем к высохшей и чистой Бузареа и возвращение к морю, вкус губ и сияние солнца в глазах.

Все начинается не с любви, но с желания жить. Далеко ли до любви, когда в большом квадратном доме над морем два тела, поднявшиеся сюда, в эту оторванную от мира комнату, под завывание ветра и глухое дыхание моря, слышные во тьме, принимают друг к другу и сливаются воедино? Чудесная ночь, когда надежда на рождение любви неотделима от дождя, неба и безмолвия земли. Точка равновесия двух существ, соединившихся телесно и породнившихся душевно благодаря общему безразличию ко всему в мире, кроме этого мига.

И этот миг, что-то вроде танца, она в стильном платье, он в костюме танцора.

* * *

Первые миндальные деревья в цвету на дороге, у моря. Всего за одну ночь они покрылись этим белоснежным покровом, таким хрупким, что не верится, как он может выдержать холод и дождь, который мочит все лепестки.

* * *

В троллейбусе.

Старая дама с лицом сводни, меж едва заметных грудей у нее болтается крест:

«Порядочные женщины умеют себя блюсти. Не то что эти, для которых от войны – одни выгоды. Муж на фронте, а она получает пособие и изменяет ему. Я одну такую знаю, она мне говорит: «Хоть бы он там подох. Дома был злой как пес! Не война же его исправит». Я ее убеждаю: «Теперь, когда он на фронте, надо его простить». Никакого толку. Нет, месье, этих женщин не исправишь. Это у них в крови, говорю вам, это у них в крови».

* * *

Февраль

Оран. Издалека, от Вальми, из поезда видна гора Санта-Крус, глубоко вросшая в землю, и сам собор, словно каменный перст, устремленный в синее небо.

В десять утра нужно непременно отправиться на бульвар Галлиени к чистильщику обуви. Свежий ветерок, яркое солнце, спешащие мужчины и женщины и необычайное довольство, которое ощущаешь, забравшись в высокое кресло и наблюдая за работой чистильщика. Дело сделано, все вычищено, отполировано, доведено до совершенства. В какой-то момент, видя, как чистильщик манипулирует мягкими щетками, и любуясь безукоризненным гляncем башмаков, думаешь, что изумительная операция закончена. Но тут неугомонная рука снова проходит по сверкающей поверхности, снимает с нее блеск, трет ее, яростно втирает ваксу внутрь, и из-под щетки начинает бить двойной и в самом деле безукоризненный блеск, исторгнутый из глубин кожи.

* * *

Дом колониста – воплощенная метафизика, мораль и эстетика. Торт, увенчанный египетским пскентом. Занятная мозаика, неведомо почему в византийском стиле, где очаровательные сестры милосердия в сандалиях несут корзины винограда, а длинная вереница рабов, одетых на античный манер, спешит к добродетельному колонисту в колониальном шлеме и в галстук бабочкой.

* * *

Аустерлицкая улица и ее столетние евреи. Что ни разговор, то забавная сценка.

* * *

Такие костюмы, как от Мари-Кристин, «not only fashion-able, but always up to date»¹¹. Слабительные «только на крайний случай. Насилие над кишечником – это не дело».

¹¹ Не только модно, но всегда к сроку (англ.).

* * *

С дороги, тянущейся высоко в горах, скалы кажутся натканными так густо, что пейзаж кажется вычурным и почти нереальным – человеку в нем совершенно нет места, ибо его тяжеловесная красота выглядит потусторонней.

* * *

Маленькая площадь Перл, где в два часа дня играют дети. Мечеть, минареты, скамейки, кусочек неба. Дребезжащий голос испанского радио. Я люблю эту площадь не в этот час, а в другой – я его хорошо себе представляю, – когда летнее небо уже не пышет жаром и на маленькой площади становится легче дышать; по ней прогуливаются женщины в обществе военных, мужчины, привлекаемые запахом анисовки, спешат в бары.

* * *

Женский роман. Единственная тема – искренность.

* * *

«Не пытай бессмертия, милая душа, – обопри на себя лишь посильное» (Пиндар – Третья Пифийская песнь) ¹².

* * *

Персонажи.

Старик и его собака. Восемь лет ненависти.

Другой человек и его привычка говорить: «Он был прелестен, более того, приятен».

«Оглушительный, более того, умопомрачительный шум».

«Это черта вечная, более того, общечеловеческая». А.Т.Р.

* * *

Солнечное утро и голые тела. Душ, потом жара и свет.

* * *

Февраль

Это флорентийское лицо, говорящее о том, что его любовь и его прошлое были несчастными. Какова здесь доля игры? Какова доля волнения, такого сильного, такого потрясающего в одни моменты и такого сдержанного в другие?

¹² Перевод М. Л. Гаспрва.

* * *

М. – подобная душе Парижа. Это солнечное утро и город, полный света, – ее глаза, подобные городу и этой легкой жизни. «O dolore dei tuoi martiri, o diletto del tuo amore»¹³.

* * *

«Она являет собой не любовь, но надежду на удачу, – все, что не является изгнанием, все, что является приятием жизни. И никогда еще надежда не имела такого волнующего лица. Кто может быть уверен, что любит? Но волнение все узнают сразу. Эта песня, это лицо, этот гибкий грудной голос, эта наполненная и независимая жизнь – вот все, чего я жду, на что уповаю. И если я откажусь от своих чаяний, они все равно останутся как обещания освобождения и как тот образ меня самого, с которым я не могу расстаться».

* * *

Март

Что означает это внезапное пробуждение – посреди этой темной комнаты, в шуме города, ставшего вдруг чужим? И все мне чужое, все, нет нигде близкого существа и негде залечить рану. Что я делаю здесь, к чему эти жесты, эти улыбки? Я не из этих краев – и не из других. И окружающий мир – всего лишь незнакомый пейзаж, где сердце мое уже не находит опоры.

Посторонний, могущий понять, что значит это слово.

* * *

Чуждо, признать, что все мне чуждо.

Теперь, когда все стало ясно, ждать и ничего не жалеть.

Во всяком случае, работать так, чтобы научиться до конца и молчать и творить. Все прочее, все прочее в любом случае не важно.

* * *

Вечер: События. Люди. Индивидуальные реакции.

Трувиль. У моря – плато, поросшее асфоделями. Маленькие виллы с верандами за зелеными или белыми заборами – одни спрятаны в зарослях тамариска, другие стоят открыто среди камней. Море тихо рокочет внизу. Но солнце, легкий ветерок, белизна асфоделей, яркая синь неба – все дает представление о лете, о его золотой поре, о загорелых девочках и мальчиках, зарождающихся страстях, долгих часах под солнцем и неожиданной мягкости вечеров. Какой еще смысл искать в нашей жизни, если не этот, и какой урок, если не урок этого плато: рождение и смерть, а между ними красота и меланхолия.

¹³ О, горечь причиняемых тобою мук, о, наслаждение твоей любви (*ит.*).

* * *

Р. С. Один из тех типов, которые, как говорится, стесняются пойти в туалет у всех на виду, но потом оказывается, что у них такая теория и, согласно этой теории, величие человека – в том, чтобы сознавать свою униженность. И тут уже выходит, что привередливы не они, а мы.

* * *

С. Хочет написать дневник романа, который не написал его автор.

* * *

Единственной реакцией на человеческое общество все чаще и чаще становится индивидуализм. Человек сам себе цель. Все, что пытаются сделать ради общего блага, оканчивается провалом. А тому, кто все-таки хочет сделать попытку, подобает делать ее с нарочитым презрением. Полностью устранить и блюсти собственные интересы. (Идиот.)

* * *

Мужчина получает письмо от мужа своей любовницы. В этом письме муж вопиет о своей любви и говорит, что, прежде чем дать волю ярости, он хочет поговорить непосредственно со своим соперником. Ярости-то любовник и боится больше всего на свете. Поэтому великодушие мужа приводит его в восхищение.

И чем сильнее он боится, тем громче говорит о своем восхищении. Он без устали твердит об этом и, значит, с виду преисполнен благородства. Он готов отказаться от всего, хотя бы из признательности мужу за его великодушие, он готов принести себя в жертву – безропотно, он не стоит своего соперника. Впрочем, во все это он верит лишь отчасти. Ведь немалую роль играет тут и страх получить по физиономии.

Собака на вилле. С. взял ее в дом, несмотря на протест матери. Собака крадет двух анчоусов. Видя, как мать гонится за убегающей в страхе собакой, С. кричит: «Стой, стой! Не сходи с ума».

Потом С.: Бедный пес, он уже верил в райскую жизнь.

Мать: Я тоже верила в райскую жизнь, но сроду ее не видела.

С.: Да, но он-то успел побывать в раю.

* * *

Спуск к морю над Мерс-эль-Кебиром. Цепь холмов и скал, окружающих бухту. Закрытое сердце.

* * *

Марсель. Ярмарка: «Жизнь? Небытие? Иллюзии? И все-таки правда». Большой барабан. Бум, бум, входите в Небытие.

* * *

На заре нового времени: «Совершилось!» Ладно, тогда начинаем жить.

* * *

Париж, март 1940 г.

Что отвратительно в Париже: нежность, чувство, мерзкая сентиментальность, которая называет прекрасное хорошеньким, а хорошенькое прекрасным. Нежность и отчаяние этого хмурого неба, мокрых блестящих крыш, этого бесконечного дождя.

Что замечательно: страшное одиночество. Словно лекарство от жизни в обществе: большой город. Теперь это единственная настоящая пустыня. Тело здесь уже не в цене, оно скрыто, запрятано под бесформенными шкурами. Только душа, душа со всеми ее порывами, хмелем, чересчур слезливыми переживаниями и прочим. Но еще и со своим единственным величием: молчаливым одиночеством. Когда смотришь на Париж с вершины Холма, он кажется ужасной, запотевшей под дождем серой, бесформенной опухолью, вспучившей землю, если же повернуться к церкви Святого Петра на Монмартре, чувствуешь единство страны, искусства и религии. Все прожилки этих камней дрожат, все распятые и подвергшиеся бичеванию тела ввергают душу в такое же беспамятство и скверну, как и сам город.

Но с другой стороны – душа никогда не бывает права, и здесь она не права особенно. Ибо самые великолепные лица, которые она подарила этой религии, столь пекущейся о душе, высечены из камня по образу лиц из плоти и крови. И здешний Бог трогает нас прежде всего своим человеческим лицом. Странная ограниченность человеческого существования, которая мешает ему выйти за пределы человеческого, которая являет в плотском обличье символы, отрицающие тело. Они отрицают его, но пользуются его очарованием. Только тело великодушно. Римский легионер выглядит как живой благодаря огромному носу или сгорбленной спине, Пилат – благодаря выражению беспредельной скуки, которое увековечено в камне.

Христианство это поняло. И если оно тронуло нас так давно, то именно благодаря тому, что его Бог принял облик человека. Но правда и величие этого Бога кончаются на кресте, в тот миг, когда он вопиет о своей покинутости. Вырвем последние страницы из Евангелия, и перед нами окажется человеческая религия, культ одиночества и величия. Конечно, она невыносимо горька. Но в этом ее правда, а все остальное – ложь.

Отсюда следует, что целый год одинокой жизни в убогой каморке в Париже учит человека большему, чем сотня литературных салонов и сорок лет опыта «парижской жизни». Это существование суровое, страшное, порой мучительное, постоянно балансирующее на грани безумия. Но это соседство должно либо закалить и укрепить мужество человека, либо сломить его. Впрочем, если мужество оставит вас, значит, оно не было жизнестойким.

* * *

Эйзенштейн и празднества Смерти в Мексике. Мрачные маски на забаву детям, сахарные черепа, которыми они с наслаждением хрустят. Смерть смешит детей, она веселая, сладкая, сахарная. Отсюда «покойнички». И в конце – «Наша подружка Смерть».

Париж.

Женщина с верхнего этажа покончила с собой, выбросившись из окна. Ей был тридцать один год, сказал один из жильцов, – этого довольно, и если она успела пожить, то можно и умереть. В доме еще бродит тень драмы. Иногда она спускалась и просила у хозяйки позво-

ления поужинать с ней. Внезапно она принималась целовать ее – из потребности в общении и теплоте. Это кончилось шестисантиметровой вмятиной на лбу. Перед смертью она сказала: «Наконец-то!»

* * *

Париж.

Черные деревья на фоне серого неба и голуби цвета этого неба. Статуи в траве и это томное изящество...

Взлет голубей, словно хруст разворачиваемого белья. Воркование в зеленой траве.

* * *

Париж.

Маленькие кафе в пять утра – окна запотели – варится кофе – посетители Центрального рынка и торговцы – утренняя рюмочка и божоле.

Часовня Сент-Шапель. Туманы – воздушные пути и фонари.

* * *

Леже. Этот дух – эта метафизическая живопись, которая переосмысляет материю. Занятно: когда начинают переосмыслять материю, постоянным остается лишь то, что являлось *видимостью*, – цвет.

* * *

Тип в пивной, который слышит, как дама звонит по телефону, называя его номер и его имя. Он отвечает. Она говорит с *ним* так, словно он находится на другом конце провода (семья, все подробности и т. д.). Он не понимает. Вот так.

* * *

Бесперспективно.

«Произведения, о которых говорит здесь Ж.М., были сожжены.

Но совершенно ясно, что он с таким же успехом мог их опубликовать и встретил бы только безразличие или возражения, что, в сущности, одно и то же». С.Л.

* * *

Чтобы передать пульсацию жизни и дыхание, писать всю жизнь. «Сегодня мне двадцать семь лет» и т. д.

* * *

Использовать систему, комментируя (или вкратце все изложить в предисловии).

* * *

Испанский солдатик в ресторане. Ни одного слова по-французски, обращается ко мне, страдая без человеческого участия. Эстремадурский крестьянин, борец за республику, концентрационный лагерь в Аржелесе, вступил во французскую армию. Когда он произносит слово «Испания», ее небо отражается в его глазах. У него недельный отпуск. Он приехал в Париж, и город в несколько часов раздавил его. Не зная ни слова по-французски, блуждая в метро, чужой, чуждый всему, кроме родной земли, он мечтает о встрече с однополчанами. И даже если ему суждено сдохнуть под низким небом среди грязных луж, пусть это хотя бы будет рядом с земляками.

* * *

Апрель

В Гааге. Человек живет в пансионе, не подозревая, что это бордель. В столовой никогда ни души. Он спускается в халате. Входит какой-то господин в визитке и цилиндре. Он чопорен, степенен и чернокож. Он заказывает самые дорогие блюда. В столовой воркует голубка. Пообедав, господин удаляется, оставив плату на столе. Внезапно наступает тишина. Официант возвращается и приходит в ужас: негр унес в своем шапокляке голубку.

* * *

Роман (часть вторая – последствия).

Человек (И.Х.) назначил себе такой-то день для смерти – довольно близкий. И сразу получил удивительное превосходство над всеми общественными и прочими силами.

* * *

В метро коротышка военный. Лет сорока. Пытается пригласить на свидание довольно молодую девушку. «Быть может, вы позволите мне зайти к вам через несколько дней, когда я снова буду в городе?» – «Нет, меня брат будет ругать». – «Да, наверно, это вполне естественно, вы правы. А можно вам написать?» – «Нет, давайте лучше где-нибудь встретимся». Он теряется, слыша, что она впрямую соглашается на то, чего он пытался добиться окольными путями. «Да, конечно, конечно. Да, вы правы, совершенно правы, так лучше. Ну-ка, посмотрим. Завтра у нас понедельник... Да, понедельник. Посмотрим, в котором часу. Я пытаюсь сообразить, знаете ли, потому что при моей работе... Да, так завтра понедельник. Давайте в пять?»

Она (с прежней прямотой): Вы не можете попозже?

Он (в том же смятении): Да, да, вы опять правы.

Она: В восемь.

Он: Да, да, в восемь. В «Террасе», если вы не против.

Она: Хорошо.

Он молчит. Но чувствуется, что его внезапно охватил страх, который он тщательно скрывает. Он хочет принять меры предосторожности, чтобы свидание, которого он так легко добился и которое для него так много значит, не сорвалось. «А если вы вдруг не сможете, я вам напишу?» – «Нет, лучше не надо». – «Тогда давайте на всякий случай договоримся о другой встрече, если вы вдруг не сможете завтра». – «Хорошо, в четверг в восемь на том же месте». Он доволен, но вдруг пугается, как бы это второе свидание не обесценило первое, завтрашнее.

«Но завтра мы встречаемся непременно, не так ли? Это только на всякий случай». – «Да», – отвечает она. Она выходит на площади Согласия, а он у вокзала Сен-Лазар.

* * *

Художник отправляется в Пор-Кро, чтобы делать зарисовки. Там так красиво, что он покупает дом, убирает свои картины и больше к ним не притрагивается.

* * *

Почувствовать в «Пари-Суар» все сердце Парижа и его гнусный дешевый дух. Мансарда Мими превратилась в небоскреб, но сердце осталось прежним. Оно развращено. Сентиментальность, тяга к ярким цветам, самолюбование, все эти сомнительные прибежища человека в городе, столь суровом к человеку.

* * *

Вы не писали бы столько об одиночестве, если бы умели извлекать из него все возможное.

* * *

«Я, – говорит он, – человек обоняния. А это чувство не годится ни для какого искусства. Только для жизни».

* * *

Новелла. Священник в провансальской деревне, довольный своей участью. По случайности присутствует при последних минутах осужденного на смерть. Утрачивает веру.

* * *

Апрель

Предисловие к Террачини. ... Многие из нас тоже тоскуют по изгнанничеству, питают к нему пристрастие. Земли Италии и Испании воспитали столько европейских душ, что стали достоянием Европы, всей мыслящей Европы, которая всегда будет одерживать верх над Европой, выкованной оружием. В этом, быть может, значение этих страниц. Но так обстояло дело уже двести лет назад. Так оно обстоит и сейчас. И ни в коем случае не надо терять надежду, что так будет обстоять дело и в тот день, когда на руинах в конце концов распустятся цветы.

* * *

2-я серия. Для Дон Жуана. Смотри «Ларусс»: монахи-францисканцы убили его и распростили слух, что Командор его испепелил. Последний акт. Обращение францисканцев к народу: «Дон Жуан уверовал» и т. д. «Слава Дон Жуану».

Предпоследний акт: вызов Командору, который не приходит. Горечь от сознания собственной правоты.

* * *

2-я серия. Для Дон Жуана.

(Святой отец и Дон Жуан выходят из покоев Дон Жуана, и тот провожает монаха к двери.)

Начало I.

Монах-францисканец: Так вы ни во что не верите, Дон Жуан?

Дон Жуан: Напротив, святой отец, верю в три вещи.

Монах: Можно узнать, в какие?

Дон Жуан: Я верю в храбрость, ум и женщин.

Монах: В таком случае мне ничего не остается, кроме как пожалеть о вас.

Дон Жуан: Да, если счастливый человек достоин жалости, святой отец.

Монах (*в дверях*): Я буду молиться за вас, Дон Жуан.

Дон Жуан: Благодарю вас, святой отец. Я вижу в этом проявление отваги.

Монах (*мягко*): Нет, Дон Жуан, здесь проявляются два чувства, которых вы упорно не признаете: милосердие и любовь.

Дон Жуан: Мне ведомы только нежность и великодушие, – мужественные формы этих женских добродетелей. Но прощайте, святой отец.

Монах: Прощайте, Дон Жуан.

* * *

Май

«Посторонний» закончен.

* * *

Дивный «Мизантроп» с его грубыми контрастами и типическими характерами.

Альцест и Филинт

Селимена и Элианта

Однообразие Альцеста – абсурдное следствие характера, доведенного до крайности, – вот и весь сюжет. И стих, «дурной стих», почти такой же монотонный, как и характер.

* * *

Исход.

Клермон. Сумасшедший дом и его странные башенные часы. Гнусные рассветы в пять утра. Слепцы – местный безумец, который весь день рычит, – наша земля в миниатюре. Здесь все притягивают к себе два полюса, море и Париж. Именно в Клермоне можно узнать Париж.

* * *

Сентябрь

Закончена первая часть Абсурда.

Человек стирает с лица земли свой дом, сжигает свои поля и посылает их солью, чтобы они не достались другим.

* * *

Мелкий служащий Французского банка. Когда его переводят в Клермон, пытается сохранить верность старым привычкам. Это ему почти удается. Но есть неуловимая разница.

* * *

Октябрь 1940 г. Лион.

Святой Фома Аквинский (будучи подданным Фридриха) признает за подданными право на бунт. Ср. Бауманн. «Политика святого Фомы», с. 136.

* * *

В Падуе, опустошенной чумой и осажденной венецианцами, последний из рода Каррара с воплями метался по залам своего дворца: он призывал дьявола и молил его о смерти.

Где-то, кажется, в Сиене, один кондотьер спас город. Он требует награды. Мнение народа: «Ничто и никогда не будет ему достойной наградой, даже высшая власть. Убьем его. А после будем ему поклоняться». Так они и сделали.

Джан-Паоло Бальоне, о котором Макиавелли говорит, что, упустив случай убить папу Юлия II, он упустил случай обессмертить свое имя.

Бурхард: «Коварство, нечестивость, воинская доблесть и обширные познания – все эти качества слились в Дж. Малатесте» (умер в 1417 г.).

Филиппо Мария Висконти, миланский кондотьер, не желал слышать о смерти и отсылал с глаз долой своих умирающих фаворитов. Тем не менее, по словам Бурхарда, «он встретил смерть благородно и достойно».

В Равенне народ забирал свечи с алтаря и ставил их перед могилой Данте: «Ты больше достоин их, чем тот, распятый».

* * *

Новелла: Рона, Сона, вниз по течению, одна скачет, другая запинаясь и в конце концов, слившись с первой, исчезает в ее волнах. По ним плывут двое: параллель.

* * *

Новелла: история Y.

* * *

Терне. Маленькая деревушка, пустынная и холодная, возвышается над Роной. Серое небо и ледяной ветер, словно облегающее платье. Земли под паром. Несколько черных борозд, а над ними вороны. Маленькое кладбище, сливающееся с небом: все они были примерными супругами и примерными отцами. Все они оставили по себе вечную память.

* * *

Старая церковь с копией картины Буше. Служительница, сдающая напрокат стулья: она так испугалась, когда налетели немецкие бомбардировщики. В последнюю войну коммуна потеряла тридцать человек. Нынче всего восемнадцать человек в плену, но и это немало. Сейчас состоится венчание молодой пары. Учительница, беженка из Эльзаса, потерявшая связь с родными. «Как вы думаете, месье, это скоро кончится?» Сын ее погиб в 14-м году, он был тяжело ранен, она поехала к нему и видела, как наши отступали на Марне. Она увезла его с собой, он умер дома. «Я там такого навиделась, ввек не забуду».

На дворе все то же небо и все тот же холод. Распаханная земля и ровная, сверкающая река, которая течет внизу, время от времени покрываясь легкой рябью. Чуть подалее зал ожидания на вокзальчике в Серрезене. Освещение, соответствующее военному времени; афиши, приглашающие счастливо жить в Бандоле, – в полутьме. Печка погасла, ее холодные плитки все в разводах от поливки дезинфицирующими средствами. Предстоит час ожидания под стук далеких поездов и вой вечернего ветра над долиной. Так близко и так одиноко. Здесь приближаешься вплотную к своей свободе, и до чего же она ужасна! Единство, единство с этим миром, где цветам и ветру никогда не искупить всего остального.

* * *

Декабрь
(Египет.)

Греки – Этруски – Рим и его упадок – Александрия и христиане – Священная Римская империя и дерзость мысли – Прованс и провансальские еретики – итальянский Ренессанс – елизаветинцы – Испания – от Гёте до Ницше – Россия.

Индия, Китай, Япония.

Мексика – Соединенные Штаты.

Стили – от дорической колонны через готику и барокко к цементной арке.

История – Философия – Искусство – Религия.

П.С.М.

* * *

Декабрь

Греки. История – Литература – Искусство – Философия.

* * *

Сознательно или бессознательно женщины всегда пользуются чувством чести и верности данному слову, которое так сильно развито у мужчин.

* * *

Сыны Каина – во всей красе. Господь видит убийство Авеля, но ничему не препятствует. Но страдание закаляет Каина. Господь готов простить его, но Каин отвергает прощение: «От лица твоего я скроюсь».

(Или стихотворение – там же, Иуда.)

* * *

Оран. Январь 1941 г.

История П. Старичок, бросающий из окна второго этажа обрывки бумаги, чтобы привлечь кошек. Потом он на них плюет. Когда плевков попадает в одну из кошек, старик смеется.

* * *

Нет ни одного места, которое оранцы не испоганили бы какой-нибудь мерзкой постройкой, способной перечеркнуть любой пейзаж. Город, который отворачивается от моря и строится, вертясь вокруг своей оси, как улитка. Люди блуждают по этим неприветливым и уродливым улицам, ища море, как нить Ариадны. Но из этого лабиринта выхода нет. В конце концов оранцев пожирает Минотавр – это скука.

Но все напрасно: одна из самых могущественных земель на свете разрушает злосчастные декорации, которые на ней понастроили, и между домами и над крышами раздаются ее громкие стоны. А жизнь, которую можно вести в Оране вопреки скуке, достойна его земли. Оран доказывает, что в людях есть нечто более сильное, чем их творения.

Тот, кто не бывал в Оране, не знает, что такое камень. В этом городе, одном из самых пыльных на свете, булыжник и камень правят бал. В других местах арабские кладбища славятся своей умиротворенностью. Здесь, у моря, над дорогой Разэль-Аин, белые россыпи меловых камней на фоне синего неба слепят глаза. Среди этих останков местами, подобная свежей крови и жизни, алеет герань.

* * *

О Флоренции и Афинах пишут книги. Раз эти города воспитали столько европейских умов, значит, в них что-то есть. Они способны растрогать и возвысить. Они утоляют голод души, питающейся воспоминаниями. Но никому бы не пришло в голову писать о городе, где нет пищи для ума, где царит уродство, где нет места прошлому. А между тем это бывает весьма заманчиво.

Почему люди проявляют привязанность и интерес к тому, что ничего не может дать взамен? Эта пустота, это уродство, эта скука под великолепным неумолимым небом – что в них соблазнительного? Я могу ответить: творение. Для определенного типа людей творение всюду, где оно прекрасно, – отечество с тысячью столиц. Оран – одна из них.

Кафе. Лангустины, вертела, улитки под обжигающим рот соусом. Их запивают отвратительным сладким мускатом. Такого не придумаешь. Рядом слепой поет фламенко.

* * *

Холмы над Мерс-эль-Кебиром – совершенство пейзажа.

* * *

«Неволя и величие солдата». Чудесная книга, которую стоит перечитать в зрелом возрасте.

«Монтекукулли, который после гибели Тюрэнна отступил, не пожелав продолжать игру против посредственного партнера».

Честь – «это добродетель исключительно человеческая, словно порожденная самой землей, не сулящая небесного венца после смерти; добродетель эта неотделима от жизни».

* * *

Оран. Дорога в Нуазе: долгий путь меж двух склонов, выжженных и пыльных. Земля трескается под солнцем. Мастиковые деревья цвета камней. Небо наверху исправно расходует свои запасы жары и огня. Понемногу мастиковые деревья крепнут и зеленеют. Растительность входит в силу, поначалу незаметно, потом с ошеломляющей быстротой. В конце долгого пути мастиковые деревья постепенно сменяются дубами, все разом увеличивается в размерах и смягчается, а затем за поворотом вдруг открывается поле цветущего миндаля: словно прохладная вода для глаза. Маленькая долина кажется потерянным раем.

Дорога по склону холма над морем. Проезжая, но заброшенная. Сейчас она заросла цветами. Она стала бело-желтой от маргариток и лютиков.

* * *

21 февраля 1941 г.

Окончен «Сизиф». Все три Абсурда завершены.
Начатки свободы.

* * *

15 марта 1941 г.

В поезде.

- Вы действительно знали Кана?
- Кана? Такой высокий, худой, с черными усиками?
- Да, который был стрелочником в Бель-Аббесе.
- Конечно, знал.
- Он умер.
- Надо же! От чего?
- От чахотки.
- Смотри-ка, кто бы мог подумать.
- Да, но ведь он еще играл в духовом оркестре. Вечно дул в трубу – это его и свело в могилу.
- Да, наверно. Когда человек болен, надо беречь себя. Нечего дудеть на корнет-а-пистоне.

* * *

Дама, имеющая такой вид, словно она уже три года страдает запором: «Представляете, эти арабы закрывают лица своим девушкам. Они совершенные дикари!»

Слово за слово, она излагает нам свой идеал культурной жизни: муж, получающий 1200 франков в месяц, двухкомнатная квартира, с кухней и подсобными помещениями, кино по воскресеньям, а в будние дни – жизнь среди мебели из галереи Барбес.

* * *

Абсурд и Власть – тщательно изучить (ср. Гитлер).

* * *

18 марта 1941 г.

Возвышенности над Алжиром весной утопают в цветах.

Медовый запах желтых роз течет по улочкам. На верхушках гигантских черных кипарисов вдруг распускаются глицинии, стебли которых незаметно ползут вверх, скрытые хвоей. Легкий ветерок, огромный спокойный залив. Простое и сильное желание – и как же нелепо покидать все это.

* * *

Санта-Крус и путь вверх меж сосен. Чем выше поднимаешься, тем огромнее кажется залив – и так до самой вершины, где взор теряется в безбрежности. Безучастность – мне тоже случается совершать паломничества.

* * *

19 марта

Каждый год на пляжах как цветники – множество девушек. Они цветут только один сезон. На следующий год на их месте расцветают другие красавицы, прошлым летом бывшие еще маленькими девочками. Для человека, который на них смотрит, они как волны, ежегодно обрушивающиеся всем своим грузом и великолепием на желтый песок.

* * *

20 марта

Об Оране. Написать биографию ничтожную и абсурдную. Кстати о Каине: неизвестное ничтожество, изваявшее ничтожных львов на площади Оружия.

* * *

21 марта

Весенние купания в ледяной воде. Мертвые медузы на отмелях: желе, постепенно увязающее в песке. Гигантские бледные дюны. Море и песок – две пустыни.

* * *

Еженедельник «Гренгуар» требует переброски лагерей для испанских беженцев на крайний юг Туниса.

* * *

Освободиться от этого рабства – влечения к женщинам.

* * *

По Розанову, Микеланджело, Леонардо творили, а революция вырвет им язык и уьет их в двенадцать-тринадцать лет, как только они проявят свою личность, свою самобытную душу.

* * *

«Без греховного начала человек не смог бы жить, а без святого жил бы припеваючи». Бессмертие – идея бесперспективная.

* * *

Шакья-Муни долгие годы провел среди пустыни, в неподвижности, устремив взор в небо. Сами боги завидовали его мудрости и окаменению. В его оцепеневших протянутых руках свили гнездо ласточки. Но однажды они улетели навсегда. И тот, кто убил в себе желание и волю, славу и боль, заплакал. Так на камнях вырастают цветы.

* * *

«They may torture, but shall not subdue me»¹⁴.

* * *

«Аббат: Зачем не жить, не действовать иначе?
Манфред: Затем, что я всегда гнушался жизни»¹⁵.

* * *

Чем руководствуется сердце? Любовью? Что может быть ненадежнее? Можно знать, что такое любовное страдание, но не знать, что такое любовь. Тут и утрата, и сожаление, и пустые руки. Пусть я не буду сгорать от страсти, при мне останется тоска. Ад, где все сулит рай. И все-таки это ад. Я называю жизнью и любовью то, что меня опустошает. Отъезд, принуждение, разрыв, мое беспросветное сердце, разорванное в клочья, соленый вкус слез и любви.

* * *

Ветер, одна из немногих чистых вещей на свете.

* * *

Апрель. II серия.
Мир трагедии и дух мятежа Будеёвице (3 действия).
Чума или приключение (роман).

¹⁴ Они могут меня мучить, но не заставят покориться (*англ.*).

¹⁵ Перевод И. А. Бунина.

* * *

Чума-избавительница.

Счастливым город. Люди живут каждый по-своему. Чума ставит всех на одну доску. И все равно все умирают. Дважды бесполезно. Философ пишет там «антологию незначительных поступков». Ведет, в этом свете, дневник чумы. (Другой дневник, в патетическом свете. Преподаватель греческого и латыни. Он выясняет, что до сих пор не понимал Фукидида и Лукреция.) Его любимая фраза «По всей вероятности». «Трамвайная компания имела в своем распоряжении только 760 рабочих вместо 2130. По всей вероятности, в этом повинна чума».

Черный гной, сочащийся из язв, убивает веру в молодом священнике. Он хочет бежать, «Если я уцелею...» Но ему не удастся спастись. За все приходится платить.

Тела увозят на трамваях. Целые составы, груженные трупами и цветами, идут вдоль моря. Кондукторов увольняют: пассажиры не платят за проезд.

Агентство «Рэнсдок-СВП» дает все справки по телефону. «Сегодня двести жертв, месье. Мы запишем два франка на ваш телефонный счет». «Невозможно, месье, гробы поступят не раньше, чем через четыре дня. Позвоните в Трамвайную компанию. Мы запишем...» Агентство рекламирует свою деятельность по радио: «Вы желаете знать ежедневно, еженедельно, ежемесячно число жертв чумы? Обратитесь в «Рэнсдок» – пять телефонных номеров: 353–91 и следующие».

Город закрывают. Люди умирают скопом, вдали от остального мира. Однако находится господин, не расстающийся со своими привычками. Он продолжает переодеваться к обеду. Члены семьи один за другим исчезают из-за стола. Он умирает, глядя в свою тарелку, при полном параде. Как говорит служанка: «Хоть какой-то прок. Нет нужды его обрывать». Покойников уже не хоронят, их выбрасывают в море. Но их слишком много, они напоминают чудовищную пену на синеве моря.

Один мужчина видит на лице любимой женщины следы чумы. Никогда он не будет любить ее так сильно. Но никогда она не была ему так противна. Он борется с собой. Но верх все-таки одерживает тело. Его обуревают отвращение. Он хватается за руку, стаскивает с кровати, тащит через комнату, прихожую, коридор, по двум улочкам, потом по главной улице. Он бросает ее в сточную канаву. «В конце концов, есть и другие женщины».

Напоследок берет слово самый незначительный персонаж. «В каком-то смысле, – говорит он, – это бич Божий».

* * *

Тем временем: брошюрка об Оране. Греки.

* * *

Все старания западного искусства сводятся к тому, чтобы предложить воображению разные типы. И история европейской литературы кажется не чем иным, как цепью вариаций на заданные темы и бесконечным развитием этих типов. Расиновская любовь – вариация такого типа любви, который, быть может, не встречается в жизни. Это упрощение – стиль. Запад не изображает свою будничную жизнь. Он вечно рисует великие образы, которые вдохновляют его. Он их ищет. Он хочет быть Манфредом или Фаустом, Дон Жуаном или Нарциссом. Но приблизиться к ним не удастся. Всегда побеждает стадное чувство. С горя Запад изобрел киногероя.

* * *

Дюны у моря – теплый рассвет и обнаженные тела в первых, еще черных и горьких волнах. Вода давит. Мы погружаем в нее тело, а потом бежим по пляжу в первых лучах солнца. Все летние утра на пляжах кажутся первозданными. Все летние вечера похожи на величественный конец света. Вечера на море были безграничны. Солнечные дни среди дюн были изнурительны. В два часа дня невозможно пройти по раскаленному песку и сотни метров. Жара пьянит. Ни шагу больше. Солнце убивает. По утрам красота коричневых тел на светлом песке. Страшная невинность игр и обнаженных тел в слепящем свете.

Ночью при луне дюны кажутся белыми. Незадолго до того, в вечерних сумерках, все цвета становятся гуще, ярче. Ультрамариновое море, красная, цвета свернувшейся крови, дорога, желтый пляж. Все меркнет вместе с зеленым солнцем, и дюны мерцают в лунном свете. Ночи безмерного счастья под звездным дождем. Что прижимаем мы к себе, тело или теплую ночь?

А эта грозная ночь, когда молнии мчались вдоль дюн, бледнели, оставляя на песке и в глазах оранжевые или белесые отсветы. Эти незабываемые свадебные торжества. Возможность написать: я был счастлив целую неделю.

* * *

Приходится платить и мारаться в низком человеческом страдании. Грязный, отвратительный и липкий мир боли.

* * *

«Крики ужаса и вопли оглашали даль соленую, покуда око ночи не сокрыло нас»¹⁶ (Персы – битва при Саламине).

* * *

В 477 году, чтобы закрепить Делосский союз, в море были брошены железные слитки. Клятва о союзе должна была длиться так же долго, как долго железо пролежит в воде.

* * *

Политики не сознают, насколько равенство враждебно свободе. В Греции были свободные люди, потому что были рабы.

* * *

«Лишать народ свободы под предлогом того, что он не умеет ею пользоваться, – тяжкое преступление» (Токвиль).

¹⁶ Перевод С. Апта.

* * *

Проблема искусства есть проблема перевода. Плохие писатели те, кто пишет, считаясь с внутренним контекстом, не известным читателю. Нужно писать как бы вдвоем: главное здесь, как и везде, – научиться владеть собою.

* * *

Рукописи о войне пленных, фронтовиков. Немыслимый опыт ничему не научил их. Полгода службы в почтовом ведомстве были бы для них столь же поучительны. Они вторят газетам. То, что они в них прочли, поразило их гораздо больше, нежели то, что они видели собственными глазами.

* * *

«Пришла пора доказать делами, что достоинство человека не уступает величию богов» («Ифигения в Тавриде»).

* * *

«Я хочу власти, обладания. Действие – все, слава – ничто» («Фауст»).

* * *

Для человека мудрого в мире нет тайн, какая ему нужна блуждать в вечности?

* * *

Воля – тоже одиночество.

* * *

Лист о Шопене: «Отныне искусство стало для него лишь средством обречь самого себя на трагедию».

* * *

Сентябрь. Все можно устроить: это просто и очевидно. Но вмешивается человеческое страдание и разрушает все планы.

* * *

Искушение погубить себя и все отринуть, не быть ни на кого похожим, навсегда уничтожить то, что нас определяет, предаться одиночеству и небытию, найти единственную точку опоры, где судьбы всякий раз могут начаться сначала. Искушение это постоянно. Поддаться

ему или нет? Можно ли вносить одержимость произведением в глубь кипучей жизни, или надо, наоборот, равнять по нему свою жизнь, подчиняться мгновенным озарениям? Красота – главная моя забота, так же как и свобода.

* * *

Ж. Копо: «В великие эпохи не ищите драматического поэта в его кабинете. Он на театре, среди своих актеров. Он актер и режиссер».

Мы не принадлежим великой эпохе.

* * *

О греческом театре:

Г. Мотис: Эсхил и его трилогия.

Афинская аристократия.

Наварр: Греческий театр.

* * *

В пантомиме бродячие артисты говорят на непонятном языке (фарсовое эсперанто) – непонятен не смысл, а сама жизнь.

Шансерель справедливо настаивает на важности пантомимы. Тело в театре: весь современный французский театр (кроме Барро) забыл о нем.

* * *

Состав Zibaldone ¹⁷ в комедии дель арте. (Луи Молан: «Мольер и итальянская комедия») (Лоскутный занавес).

* * *

Умиравший Мольер просил принести его в театр, чтобы не лишать платы за представление актеров, музыкантов, рабочих сцены, «у которых нет иного заработка».

Книга Шансереля интересна, несмотря на один недостаток: она способна навеять уныние. Знаменательно также видеть, как человек, занятый влиянием театра на нравы, рекомендует репертуар, где фигурируют елизаветинцы. Мы уже отвыкли от такого склада ума.

* * *

Мнение Никола Клемана, библиотекаря Людовика XIV, о Шекспире: «Этот английский поэт обладает довольно богатым воображением, он изъясняется остроумно, но эти достоинства омрачает сквернословие, которым он грешит в своих комедиях».

Великий век был великим единственно благодаря уродованию души и ума, очевидному на примере Клемана. Меж тем английский поэт замечательно писал в трагедии о Ричарде II:

¹⁷ Смесь, мешанина (*ит.*).

«Поговорим о смерти, о червях. Нам прах земной взамен бумаги будет»¹⁸. А Уэбстер: «Человек словно кассия; чтобы услышать его вонь, его надо растолочь».

* * *

Маски, дивертисменты на случай. Танцоры своими движениями чертили на полу инициалы молодоженов, в чью честь давался праздник.

* * *

«Oh: no, there is not the end, the end is death and madness»¹⁹ (Кид. «Испанская трагедия»), а Марло в тридцать лет умирает от удара кинжала в лоб, убитый сыщиком.

* * *

Пятьдесят три рукописных пьесы из собрания Уорбертона (Филип Мессинджер и Флетчер), сожженные искусной поварихой, которая обкладывала ими формы для своих пирогов. Таков итог.

* * *

Ср. Жорж Конн: «Тайна Шекспира»
(Буавен).
«Современное шекспироведение» (Дидье).

* * *

Октябрь

Чума. Бонзельс, с. 144 и 222.

1342 – Черная чума над Европой. Убивают евреев.

1481 – Чума опустошает юг Испании. Инквизиция говорит: евреи. Но от чумы гибнет один из инквизиторов.

* * *

Во II веке шли споры о физическом облике Иисуса. Святой Кирилл и Святой Юстин: чтобы воплощение обрело весь свой смысл, облику Христа надлежало быть мерзким и отвратительным (Святой Кирилл: «самый ужасный из сынов человеческих»).

Но греческий дух: «Если он не прекрасен, то он не Бог». Победили греки.

* * *

О катарах – Дуэ: «Еретики на Юге в XIII веке».

¹⁸ Перевод М. А. Донского.

¹⁹ О нет, это не конец, конец – это смерть и безумие (*англ.*).

* * *

Красавица Сембра. Доносит на своего отца, который участвует в заговоре против инквизиции, потому что у нее есть возлюбленный кастилец и они «conversos»²⁰. Она уходит в монастырь. Снедаемая похотью, покидает его. Рожает нескольких детей. Дурнеет. Умирает под покровительством одного бакалейщика – требует, чтобы ее череп повесили над входной дверью как напоминание о ее беспутной жизни. В Севилье.

* * *

Александр Борджиа был первым, кто воспротивился Торквемаде. Слишком мудрый и «благовоспитанный», чтобы смириться с этим зверством.

* * *

Смотри Гердера: «Идеи к философии истории человечества».

* * *

Те, кто творил в разгар смутного времени: Шекспир, Мильтон, Ронсар, Рабле, Монтень, Малерб.

* * *

В Германии национальное чувство изначально отсутствовало. Его заменяло расовое сознание, созданное сплошь интеллектуалами. *Оно гораздо более агрессивно.* Немца волнует внешняя политика, француза – внутренняя.

* * *

Об однообразии. Однообразие последних произведений Толстого. Однообразие индуистских книг – однообразие библейских пророчеств – однообразие Будды. Однообразие Корана и всех религиозных книг. Однообразие Ницше – Паскаля – Шестова – ужасное однообразие Пруста, маркиза де Сада и т. д.

* * *

При осаде Севастополя Толстой выскакивает из траншеи и бежит к бастиону под непрерывным огнем противника: он увидел крысу, а крыс он страшно боялся.

* * *

Политика никогда не бывает предметом поэзии (Гёте).

²⁰ Новообращенные (исп.).

Добавить к Абсурду цитату из Толстого как образец логической непоследовательности: «Если все земные блага, ради которых мы живем, если все наслаждения, которые дает нам жизнь, богатство, славу, почести, отнимает у нас смерть, то эти блага не имеют никакого смысла. Если жизнь не бесконечна, она просто-напросто нелепа – в таком случае жить не стоит и надо поскорее покончить с собой и избавиться от жизни» («Исповедь»).

Но дальше Толстой поправляет себя: «Существование смерти обязывает нас либо добровольно уйти из жизни, либо придать жизни *“такой смысл, который не уничтожается смертью”*».

* * *

Страх и боль: самые мимолетные из эмоций, говорит Бёрд.

На Севере в полном одиночестве он замечает, что существуют телесные потребности, не менее настоятельные, чем духовные. *«Тело не может обходиться без звуков, запахов и голосов»*.

* * *

Т. Э. Лоуренс, вновь завербованный после войны *простым солдатом* и вдобавок под чужим именем. Следует проверить, принесет ли анонимность то, чего не смогла дать слава. Он отвергает королевские награды, отдает свой военный крест собаке. Он анонимно посылает свои рукописи издателям, и те их отвергают. Несчастный случай на мотоцикле.

Отсюда определение А. Фабр-Люса: сверхчеловек узнается по суровости, с какой он замыкается в истории, и по внутренней свободе, какую он обретает по отношению к ней.

* * *

После повторного чтения: «Записки Мальте Лауридса Бригге» – книга незначительная. Виноват Париж. Это парижское поражение. Парижская зараза, которую не удалось побороть. Напр.: «Мир считает одиночку врагом». Наверно, миру на него наплевать, и это его право.

Единственная стоящая вещь: история Арвера, которого смерть застает в момент, когда он исправляет ошибку во французской фразе: «Надо говорить “Коридор”».

* * *

Как говорит Ньютон: думая об этом непрестанно.

* * *

Жан Итье о драматурге: «Он делает что хочет, при условии делать то, что нужно».

* * *

Для Монтерлана (упадок рыцарства по вине женщин). «Жан из Сентре», с. 108. МА.ЛФ.

* * *

Пьер де Лариве: переводчик. «Духи», перевод из Лоренцино Медичи – Сент-Эвремон.

* * *

Все мысы побережья похожи на готовую к отплытию флотилию. Эти скалистые и лазурные корабли покачиваются на своих килях, словно готовясь отплыть к залитым светом островам. Вся Оранская область готова отправиться в путь, и ежедневно в полдень ее охватывает лихорадочная жажда приключений. Быть может, настанет утро, когда мы уедем вместе.

* * *

В разгар жары над гигантскими дюнами мир сжимается и сокращается. Это жаркая кровавая клетка. Он ограничен моим телом. Но стоит вдали зареветь ослу, и дюны, пустыня, небо вновь обретают свое бытие в пространстве. А пространство это бесконечно.

* * *

Эссе о трагедии.
I. Молчание Прометея.
II. Елизаветинцы.
III. Мольер.
IV. Дух мятежа.

* * *

«Чума». «Мне хочется чего-нибудь справедливого». – «Справедливое требование. Пожалуйста – вот чума».

* * *

«Ночь», «настоящая ночь», скольким людям она нынче ведома? Вода и земля, вновь наступившая тишина. «И душа моя тоже подобна чистому ключу». Ах! Пусть мир удалится, пусть мир замолкнет. Там, над Польенсой...»

Покончить с этой пустотой в сердце – отринуть все, что его иссушает. Если здесь нет живой воды, чего ради хранить верность себе?

* * *

В какой-то момент перестаешь испытывать любовное волнение. Остается только трагизм. Жить ради кого-то или чего-то становится уже бессмысленно. Смысл обретает только мысль о том, чтобы можно было за что-то умереть.

* * *

В Спарте один человек навлек на себя публичное порицание эфора за то, что имел слишком большой живот.

Афинская поговорка называла последним человеком того, кто не умел ни плавать, ни читать.

Смотри у Плутарха об Алкивиаде: «В Спарте он не выходил из гимнасия, был непритязателен и угрюм, в Ионии – изнежен, сластолюбив, беспечен, во Фракии беспробудно пьянствовал, в Фессалии не слезал с коня, при дворе сатрапа Тиссаферна в роскоши, спеси и пышности не уступал даже персам».

* * *

Однажды, когда народ рукоплескал ему, Фокион заметил: «Верно, я сказал какую-нибудь глупость».

* * *

Упадок! Речи об упадке! III век до нашей эры – век упадка для Греции. Он дал миру геометрию, физику, астрономию и тригонометрию стараниями Евклида, Архимеда, Аристарха и Гиппарха.

* * *

Еще встречаются люди, которые путают индивидуализм и себялюбие. Это значит смешивать два плана: социальный и метафизический. «Вы разбрасываетесь». Переходить от одного образа жизни к другому – значит не иметь своего лица. Но иметь свое лицо – эта мысль свойственна определенному уровню цивилизации. Иным это может показаться худшим из несчастий.

* * *

Противоречивость современного мира. В Афинах народ мог по-настоящему осуществлять свою власть только потому, что он посвящал этому большую часть своего времени, а рабы с утра до вечера трудились. С тех пор как рабство отменили, работать приходится всем. И именно в эпоху, когда европейцы дальше всего продвинулись по пути пролетаризации, на первое место выходит идеал суверенитета народа – это невозможно.

* * *

В греческом театре только три актера: нет речи о создании *персонажа*.

В Афинах театр – вещь серьезная: представления устраиваются два-три раза в год. А в Париже? И они хотят вернуться к тому, что умерло! Лучше создайте свои собственные формы.

* * *

«Самое невинное занятие люди могут сделать преступлением» (Мольер. Предисловие к «Тартюфу»).

* * *

Заглянуть в последнюю сцену I акта «Тартюфа»: «возбуждает интерес и держит публику в напряжении»; продолжение в ближайшую пятницу.

Солон создает известное творение, а в старости обеспечивает ему бессмертие с помощью поэзии.

* * *

Фукидид говорит устами Перикла, что афинянам свойственна «высшая храбрость, которая не мешает им хорошо обдумывать свои предприятия».

В битве при Саламине гребцами на победоносных триерах были *самые ничтожные* из афинян.

Ср. Коэн: «Театр, достойный этого имени, появился в Афинах лишь тогда, когда они лишились поэта, достойного их одушевлять».

* * *

О. Флаке о Саде: «Ни одна ценность не прочна для того, кто не преклоняется перед ней. Сад не видит причины преклоняться, он долго искал эту причину и не мог найти. Согласно Саду, человек, лишенный благодати, не отвечает за свои поступки».

Ср. математику зла в «Жюльетте».

Одержимый идеей бунта против основополагающего закона, он признает одинаковое право на существование за духом и сексуальностью. Кончает жизнь в Шарантоне, куда в здравом уме заключен врагами; под его руководством умалишенные разыгрывают поставленные им спектакли: Картина.

«Он измыслил жестокости, которых ему не доводилось и не хотелось бы испытать, — чтобы приобщиться к великим проблемам».

* * *

«Моби Дик» и символ, с. 120, 121, 123, 129, 173–177, 203, 209, 241, 310, 313, 339, 373, 415, 421, 452, 457, 460, 472, 485, 499, 503, 517, 520, 522.

Чувства, образы удесятерят смысл философии.

* * *

В Афинах покойниками занимались только во время антестерий. А как только они кончались: «Прочь, души, антестерий закончились».

Изначально греческая религия утверждала, что всех ждет Преисподняя. Ни награды, ни кары не существует – и в иудейской религии тоже. Идея награды – плод общественного сознания.

* * *

404 год. После того, как Афины сдались Лисандру, он под звуки флейт срыл город; так была закончена Пелопоннесская война.

* * *

Замечательная история Тимолеона, сиракузского тирана (он схватил своего отца, чтобы предать его смерти как изменника родины) (II, 251, 2, 3).

* * *

В IV веке в некоторых греческих городах олигархи давали такую клятву: «Клянусь быть всегда врагом народа и советовать то, что, по моему разумению, принесет ему вред».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.